

Анна Анна

ГРАФИНЯ ОБОЛЕНСКАЯ

ПРАВО ИМЕЮ

Графиня Оболенская

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Право имею

«Автор»

2026

Лин А.

Графиня Оболенская. Право имею / А. Лин — «Автор»,
2026 — (Графиня Оболенская)

Санкт-Петербург, 1893 год. Вчера я проектировала здания в Москве XXI века. Сегодня я заперта в частной психбольнице в теле бесправной дворянки. У меня отобрали всё — от имущества до свободы. По законам империи я всего лишь «несовершеннолетняя сумасшедшая», игрушка в руках попечителя. У меня нет союзников и нет друзей, зато есть знания будущего и злость, которой у настоящей Александры никогда не было. Спасибо всем, кто ставит звёзды и оставляет комментарии!

© Лин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Право имею

Глава 1

В небольшую частную лечебницу на Сергиевской мы приехали к одиннадцати утра. На крыльце дворник скалывал ломом наледь, недовольно поглядывая на наши сани.

Горчаков отпустил Михаила в тот же день, когда я ему велела. Оболенский дошёл до ближайшего трактира, где успел представиться, и там же потерял сознание. Орлов со своими людьми нашли его уже в больнице.

У дяди были сломаны два ребра, разбиты губы и заплыл правый глаз. Интересно, зачем его избили? Вероятно, он пытался сопротивляться, но врагов было больше.

Палата оказалась вместительной и с окном в сад. Михаил лежал поверх одеяла, в чистой рубашке, под которой виднелись бинты. При нашем появлении открыл здоровый глаз.

- Кто вы?

Я подошла, села на стул у изголовья и взяла его за руку.

- Александра я.

- Саша?! - выдохнул он, приподнимаясь.

- Всё хорошо, дядя Михаил. Не волнуйтесь так. Как вы?

- Жив, - он попытался улыбнуться, но дёрнулся от боли в скуле и замер. - Доктор сказал, через неделю поднимусь.

- Это хорошо...

Помолчали и заговорили одновременно:

- Сашенька, прости, я не знал, что ты в такой беде очутилась...

- Дядя Миша, завтра заседание, на котором всё должно решиться...

Замолчали и улыбнулись друг другу.

- Давайте я всё расскажу по порядку, - вздохнула я, откидываясь на спинку стула.

- Слушаю, - посерьёзnel Оболенский.

Я начала с гибели родителей, поведала о лечебнице, о побеге и как скрывалась от Горчаковых, и что продолжаю делать это до сих пор. Рассказала про беду, случившуюся с Ильёй Петровичем.

- Доктор не велит его беспокоить. Но Громов обещал прислать другого присяжного поверенного.

- Слушание, говоришь, уже завтра? - Михаил досадливо поморщился. - Быстро, однако.

- Веригин не стал тянуть. И наверное, это даже к лучшему.

- Я приду.

- Нет.

- Сашенька... - нахмурился собеседник.

- Дядя, вы сейчас должны лежать и лечиться. А на суде всё будет хорошо.

Михаил прикрыл глаз, на лице проступила досада на свою беспомощность.

- Хорошо, будь по-твоему.

- Вы помните пленителей? - сменила тему я.

- Нет, они лица прикрыли, - зло поджал губы Оболенский, - подлецы. Но ты, судя по твоим глазам, знаешь, кто за этим стоит?

- Горчаковы, - ответила я. - Но доказать их причастность будет сложно.

Михаил задумчиво кивнул.

- Саша, есть ли у тебя люди, чтобы послать их Бологое, отыскать моего Прокофия?

- Найдутся, - кивнула я. - Сделаем.

Мы поговорили ещё немного, и я откланялась. Этот дядя мне понравился прямою речей и вроде как камня за пазухой не держал. Впрочем, время покажет, какой он на самом деле.

Мы вышли через чёрный ход, я же думала о Горчакове и его беременной молодой жене, Софье Аркадьевне.

Я, естественно, не собиралась причинять ей вред, но именно она была той целью, моим ключиком в случае захвата князем кого-то из моих близких.

День слушания наступил слишком быстро. Имени нового поверенного Илья Петрович мне так и не сообщил, лишь хитро улыбался.

Без пяти девять я вошла в зал номер три.

На мне было то же тёмно-синее шерстяное платье, волосы собраны в строгий узел. Мотя утром так туго воткнула шпильки, что кожа на затылке ныла до сих пор.

Стол стороны просительницы стоял пустой.

Обещанный помощник не явился.

Я села и положила перед собой папку. Всё внутри меня дрожало от страха. Надо просить о переносе заседания, самой мне не вытянуть...

Голубев поднял голову, посмотрел на всё ещё пустующее место рядом со мной. Его брови поползли вверх, он тут же наклонился к князю и что-то быстро ему сказал, тот довольно усмехнулся.

Андрея сегодня не было, видно, сторожит мачеху.

Веригин вошёл ровно в девять. Мы поднялись, потом сели.

- Сторона просительницы, - обратился он ко мне. - Кто представляет интересы графини Оболенской?

Я встала.

- Ваше высочордие, мой присяжный поверенный, Илья Петрович Громов, всё ещё в городской больнице и явиться не может. Он обещал прислать вместо себя поверенного, но до сей минуты тот не явился. Прошу суд отложить слушание.

- Сторона попечителя возражает! - тут же подскочил Голубев. - Дело уже откладывалось по причине внезапной болезни поверенного просительницы. Все существенные доказательства представлены, свидетели допрошены. Дальнейшее промедление только умножит беспорядок.

Веригин посмотрел на меня поверх очков:

- Суд не находит оснований к новому отложению. Если поверенный не явился, просительница может вести дело лично.

В зале зашептались. Я стояла, держась пальцами за край стола, и пыталась собрать разбежавшиеся мысли в кучу. Голубев довольно улыбнулся и потянулся к своим бумагам.

И в этот момент за моей спиной скрипнула тяжёлая дверь.

Все обернулись.

В дверях стоял мужчина в распахнутом пальто из тёмного сукна, под пальто чёрный фрак присяжного поверенного, белая сорочка и чёрный галстук-бант; в левой петлице серебрился знак, такой же, как у Ильи Петровича. В правой руке он держал кожаный портфель, в левой - каракулевую шапку.

Высокий, с породистым узким лицом, с чёткими чертами и короткой русой бородой. На висках едва заметная седина и глаза... чёрные, как ночь, цепкие.

Он шагнул в зал, и дверь за ним закрылась с глухим стуком.

Оставив без внимания удивлённые взоры и шёпот, незнакомец прошёл вперёд уверенной походкой хищника. Я заметила, как напряглось лица Голубева и Горчакова, как недоумение

и тревога отразились в их глазах. Они не знали, кто это. Но они инстинктивно чувствовали исходящую от него угрозу.

Тем временем мужчина остановился рядом со мной. Вблизи он был ещё более внушительным: широкие плечи, прямая спина, идеальная осанка человека, привыкшего командовать. Тёмные волосы с проседью на висках, возраст - около сорока.

- Прошу прощения, ваше высочордие, - обратился он к Веригину. - Задержан был по обстоятельствам, связанным с удостоверением полномочий. Прошу не ставить сего в вину стороне просительницы.

Судья хмыкнул и уточнил:

- Кто вы?

- Пётр Ильич Громов, присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты, надворный советник. Прибыл для замещения присяжного поверенного Ильи Петровича Громова в настоящем слушании. Передоворие, удостоверенное нотариальным порядком, при мне.

- Ваше высочордие, - вскочил Голубев, - сторона попечителя просит обратить внимание суда: доверенность дана не самой просительницей, а её отсутствующим поверенным. Возникает вопрос о пределах полномочий.

- Разумеется, - холодно ответил Пётр Ильич. - Именно потому я и прошу суд дозволить просительнице подтвердить мои полномочия лично. Александра Николаевна присутствует в зале и может сделать это немедленно.

- Просительница подтверждает полномочия Петра Ильича представлять её интересы в настоящем слушании? - перевёл взгляд на меня Веригин.

Я поднялась.

- Подтверждаю, ваше высочордие. Прошу допустить Петра Ильича к ведению моего дела.

Судья ещё раз просмотрел бумагу. В зале стояла редкая тишина.

- Суд допускает Петра Ильича Громова к участию в деле в качестве поверенного просительницы, - произнёс в итоге судья. - Возражение стороны попечителя отклоняется.

Пётр Ильич сел рядом со мной и лишь тогда посмотрел прямо на меня.

- Александра Николаевна, - сказал он тихо, чтобы слышала только я. - Отец велел передать: не беспокойтесь и доверьтесь мне.

Я не удержалась:

- Вы опоздали.

- Думаю, я пришёл вовремя, - его губы дрогнули в едва заметной улыбке.

И, не дав мне ответить, открыл портфель, вынул чистый лист, положил перед собой карандаш и поднял глаза на Веригина.

- Сторона просительницы готова продолжать.

Глава 2

- Итак, имеются ли у стороны просительницы ещё свидетели для допроса?

- Да, ваше высочордие, - Пётр, не торопясь, встал, картинным движением распахнул чёрный фрак, чтобы тот не стеснял в плечах, и продолжил, - сторона просительницы вызывает свидетеля профессора Бехтерева Владимира Михайловича, заведующего кафедрой душевных и нервных болезней Императорской Военно-медицинской академии.

- Сторона просительницы полагает личный допрос необходимым? - уточнил судья.

- Полагает, - кивнул Громов-младший.

Голубев тут же подался вперёд, готовый возразить, но Пётр уже повернулся к двери для свидетелей и не дал противнику и доли секунды.

- Прошу вызвать.

Это прозвучало так, будто распоряжение в зале раздавал он, а не суд. Голубев на мгновение замер с открытым от удивления ртом. Веригин же просто кивнул приставу. Дверь открылась.

Бехтерев вошёл упругой походкой. На нём был тёмный сюртук, на лацкане сверкал академический значок. Поклонился суду, поздоровался с залом коротко и встал за кафедрой.

Священник вышел вперёд, пристав поднёс крест и Евангелие. Бехтерев присягнул, не глядя по сторонам.

- Ваше имя, отчество, фамилия, звание и должность? - спросил Веригин.

- Бехтерев Владимир Михайлович, доктор медицины, ординарный профессор Императорской Военно-медицинской академии, заведующий кафедрой душевных и нервных болезней.

- Состоите ли в родстве со сторонами по делу?

- Не состою.

- В служебной зависимости?

- Не состою.

- Известна ли Вам просительница, графиня Оболенская Александра Николаевна, лично?

- Известна. По моему приглашению она была подвергнута клиническому осмотру в стенах академии в прошлом месяце.

- Кем именно произведён осмотр?

- Мною лично.

Веригин сделал пометку и кивнул Петру:

- Слово стороне просителя.

- Владимир Михайлович, - заговорил тот, - знакомились ли Вы с обстоятельствами дела до осмотра?

- Нет. Я сознательно отказался от ознакомления с какими бы то ни было бумагами по делу до самого осмотра. Это моё неизменное правило при освидетельствовании. Чужое мнение и выводы я изучаю после.

- Каков был Ваш собственный вывод?

- Признаков душевного расстройства у графини Оболенской я не нашёл. Сознание ясное, ориентировка во времени и месте полная, память на ближние и отдалённые события сохранна. Мышление последовательное, без скачков и навязчивых идей. Бреда нет, помрачения нет. Аффект соразмерен поводу, что в её положении я полагаю прямо желательным.

- Соразмерен - что означает?

- Что она боится, когда есть чего бояться и спокойна, когда нет поводов для беспокойства.

Безумные нередко смеются на похоронах и плачут на свадьбах. Здесь обратное.

В зале кто-то тихо хмыкнул.

- У меня вопросов больше нет, - кивнул Громов и отступил от кафедры.

Судья повернулся к Голубеву.

- Сторона попечителя имеет вопросы?

Адвокат Горчакова встал, нервно одёрнул сюртук.

- Профессор, ваш осмотр продолжался

- Час и сорок минут, - мгновенно ответил Бехтерев, не дожидаясь окончания вопроса.

- Час и сорок минут, - повторил Голубев с лёгкой ноткой скепсиса. - Не находите ли вы сей срок недостаточным для заключения столь решительного, как полное отсутствие душевного расстройства?

- Нет, не нахожу.

- Однако же

- Господин адвокат, - спокойно перебил Бехтерев, - длительность осмотра определяется его содержанием, а не часами. За час и сорок минут опытный врач способен вызвать у симулянта те противоречия, которые сразу его выдают, и пронаблюдать у действительно больного те устойчивые признаки, которые скрыть невозможно. Ни того ни другого у графини Оболенской я не обнаружил.

- Симулянтом, стало быть, вы её не считаете?

- Не считаю.

- А приходило ли вам в голову, что лицо, длительно содержавшееся в лечебнице, могло в самой этой лечебнице научиться производить впечатление здорового человека?

Бехтерев чуть наклонил голову к правому плечу, задумчиво посмотрел на собеседника:

- Приходило.

- И что же?

- Я учёл это обстоятельство и провёл проверку особо. Извольте: я задаю просительнице ряд вопросов, рассчитанных на быструю реакцию, не оставляющую времени для обдумывания. Среди простых есть и каверзные, в том числе и нарочито бессмысленные. Здоровый ум на бессмысленный вопрос отвечает или удивлением, или отказом. Безумный встраивает его в свои навязчивые представления. Симулянт пытается угадать, какой ответ от него ждут, и почти всегда промахивается. Графиня Оболенская на бессмысленные вопросы отвечала, что они бессмысленны, и спрашивала, к чему они заданы. Это, господин адвокат, ответ здорового человека.

Голубев пожевал губами, выбирая, куда ударить.

- Профессор, не считаете ли вы, что страх, испытываемый просительницей перед попечителем, то есть её родным дядей, сам по себе указывает на болезненную подозрительность?

- Не считаю.

- Отчего же?

- Оттого что в психиатрии различают подозрительность болезненную и здравую. Первая возникает у душевнобольного на пустом месте, без всякой причины извне; пациент сам в себе её рождает и сам же подкрепляет. Вторая возникает у человека здорового, когда вокруг него действительно происходит что-то опасное. Я с обеими сталкивался не раз и знаю, как их различать. У графини Оболенской я наблюдал второй вариант. Её подозрения опираются на факты, а не на фантазии. С точки зрения науки - это признак здорового ума, а не больного.

Голубев попробовал зайти иначе.

- Вы в сентябре сего года назначенный на кафедру. Ваша осторожность как нового лица, надо думать, особенно велика?

Намёк был понятен: молод, не оперился, дорожит репутацией, а потому подписался на удобный вывод. Бехтерев слегка улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

- Господин адвокат, нынешняя кафедра - десятая в моей научной жизни, а не первая. До назначения в академию я заведовал кафедрой в Казани; имел честь познакомиться с поста-

новкой клинического дела у Вестфalia в Берлине и у Шарко в Париже, работал в Лейпциге, в том числе у Флексига, и посетил семинары Вундта по экспериментальной психологии. Моя осторожность, благодарение Богу, давно подкреплена опытом.

В зале смешки прокатились волной. Веригин стукнул ладонью по столу, но мягко, не гневно. И сам спрятал улыбку, прокашлявшись в кулак. Голубев же покраснел.

- У меня более нет вопросов.

Владимир Михайлович поклонился суду и по знаку пристава прошёл к скамьям для свидетелей. Сел, аккуратно положил руки на колени. Пётр повернулся к нему и благодарно кивнул, затем поднялся снова.

- Ваше высокородие, сторона просительницы уже представляла суду заключение профессора Корсакова Сергея Сергеевича, ординарного профессора Императорского Московского университета, директора университетской психиатрической клиники, удостоверенное надлежащим порядком. Прошу присовокупить его к делу и огласить полностью, - помолчал немного. - Профессор лично явиться не смог.

Голубев приподнялся.

- Сторона попечителя

- возражений к оглашению не имеет, - перебил его Пётр, не повышая голоса, но так, что Голубев осёкся. - Документ уже находится в деле. Сторона попечителя ссылается на неполноту исследования медицинских обстоятельств. В таком случае полное оглашение заключения второго врача отвечает интересам самого суда.

Веригин посмотрел на Голубева поверх очков:

- Ещё возражения имеются?

- Возражений не имею, - процедил Голубев и, раздражённо дёрнув галстук-бабочку, сел.

- Огласить.

Секретарь развернул бумаги и начал читать, отчётливо выговаривая каждое слово:

«Заключение. Сего ноября десятого числа тысяча восемьсот девяносто третьего года в присутствии директора университетской психиатрической клиники Императорского Московского университета, ординарного профессора Сергея Сергеевича Корсакова, было произведено клиническое освидетельствование графини Александры Николаевны Оболенской, двадцати лет, девицы, доставленной в клинику в сопровождении присяжного поверенного Громова Ильи Петровича. Цель освидетельствования: установление наличия либо отсутствия признаков душевного расстройства».

Секретарь перевернул лист.

«Сознание ясное. Ориентировка во времени, месте и собственной личности полная. Память на отдалённые и ближайшие события сохранена. Мышление последовательное; речь связная; запас сведений соответствует полученному образованию. Эмоциональные реакции живые, но в пределах, обусловленных тяжестью пережитых обстоятельств. Признаков навязчивых идей, бреда, помрачения сознания, обманов чувств и иных проявлений собственно душевного расстройства не выявлено. Положительной речью свидетельствую: основания, по коим графиня Оболенская в июне сего года была признана душевнобольной, в настоящем освидетельствовании не подтверждаются».

Секретарь сделал короткую паузу.

«Не могу далее оставить без замечания обстоятельства, при которых проводилось так называемое лечение в частной лечебнице доктора К. И. Штейна. Применение ледяных ванн до посинения кожных покровов, удержание ремнями, дача снадобий, помрачающих сознание, не входят в число признанных современною наукою врачебных приёмов и не могут быть оправданы никаким диагнозом. Подобные действия, прежде того, что суть жестокость, суть медицинская ошибка. Предоставляю сие на усмотрение надлежащих властей.

Профессор Императорского Московского университета С. С. Корсаков. Москва, Девичье поле, дом университетской клиники».

Секретарь сложил бумагу. В зале молчали. Слова о ледяных ваннах из заключения врача в этот раз прозвучали куда веселее, нежели в устах присяжных поверенных и судьи. Я почувствовала на своей спине десятки сочувствующих взоров. И едва удержалась, чтобы не поёжиться. Не люблю, когда меня жалеют.

Веригин положил карандаш на стол.

- Имеются ли у сторон ещё доказательства или ходатайства?

- Сторона просительницы новых доказательств не представляет, - поднялся Пётр Ильич. Голубев помолчал дольше необходимого.

- Сторона попечителя также новых доказательств не представляет, но при прежних возражениях остаётся.

Судья кивнул.

- Прежде чем суд признает исследование обстоятельств окончанным, он имеет вопросы к просительнице лично. Александра Николаевна, подойдите к кафедре.

У меня внутри всё сжалось. Я встала. Стул неприятно скрипнул о пол. До кафедры было шага четыре, не больше, но показалось, будто иду через весь зал. Люди следили за каждым моим движением. Остановилась за кафедрой и сложила ладони одна на другую, чтобы не было видно, как дрожат пальцы.

Подожёл священник, я дала присягу.

- Назовите суду ваше имя, - обратился ко мне судья.

- Александра Николаевна Оболенская.

- Возраст?

- Двадцать лет.

- Родители ваши?

- Граф Николай Александрович Оболенский и графиня Наталья Михайловна Оболенская, урождённая Апраксина.

- Когда вы их лишились?

- Полтора года назад. Они погибли в дороге.

Он кивнул и продолжил:

- Правильно ли суд понимает, что вы просите снять с вас попечительство в полном объёме - и в той его части, которая основана на признании вас душевнобольной, и в той, что учреждена была по несовершеннолетию? А вопрос об управлении имуществом до вашего совершеннолетия предоставить законному разрешению?

Я выдохнула и ответила:

- Да, ваше высокородие. Я хочу, чтобы меня перестали считать безумной и перестали распоряжаться мною помимо моей воли. Что до имущества, я понимаю, что до совершеннолетия суд вправе определить иной порядок, но, прошу, не за князем Горчаковым.

На этих словах князь раздражённо дёрнул плечом и сжал губы в тонкую линию.

Веригин взял карандаш, повертел между пальцами.

- Где вы находились до помещения в лечебницу?

- В доме дяди, князя Горчакова.

- Что было с вами в ту пору?

- Мне было худо, - медленно заговорила я. - После смерти родителей я долго не могла оправиться. Плохо спала, постоянно плакала. Боялась оставаться одна. Но памяти я не теряла, что говорила, ясно понимала.

- Почему же вас поместили в лечебницу?

- Скончалась моя личная служанка, подруга, с которой мы вместе росли. Это был сильный удар. Но смерть моего питомца, попугая Огонька, подаренного папой, стала последней каплей,

и у меня случилась истерика. И пока я не в полной мере владела собою, этим воспользовались, заточив меня в лечебнице для душевнобольных.

Судья не сводил с меня острого взора:

- Кто именно распорядился о вашем помещении туда?

- Уверена, всё делалось по воле князя Горчакова и в его интересе.

Голубев тотчас поднялся.

- Протестую! Просительница говорит не о том, что знает, а о том, что предполагает.

- Протест отклонён. Суд сумеет отличить одно от другого. Продолжайте.

- Когда меня везли туда, - собравшись, продолжила я, - со мной не обращались как с человеком, которому хотят помочь. Со мной обращались как с помехой, которую нужно убрать с глаз. И в самой лечебнице я очень скоро поняла, что меня там держат не ради лечения.

- Почему вы так решили?

- Потому что меня не старались успокоить и даже не пытались вернуть в обычное состояние. Меня ломали через ледяные ванны и странные настойки, туманившие разум.

- Однако же вы признаёте, что у вас была истерика?

- Признаю, - кивнула я. - Но истерика после стольких потрясений ещё не делает человека безумным.

В зале кто-то тихо кашлянул.

- Вы понимали тогда, где находитесь?

- Да.

- Узнавали окружающих?

- Да.

- Помнили себя?

- Да.

- И всё же не считаете, что могли нуждаться в наблюдении?

- В покое - определённо да. В человеческом уходе - тоже да. Но не в том, чтобы меня объявили сумасшедшей и подвергли, скажу прямо, издевательствам.

Судья помолчал, что-то прикидывая, после опустил глаза на лежавшие перед ним бумаги.

- Вы узнаете князя Горчакова? - вдруг спросил он, не поднимая головы.

- Разумеется.

- Кем он вам приходится?

- Дядей. Он двоюродный брат моей покойной матери.

- Вы его боитесь?

Вопрос был задан так просто, что я даже несколько растерялась в первое мгновение.

- Да, - ответила честно.

Зрители одновременно ахнули.

- По какой причине?

- Потому что там, где ему нужна власть, он умеет быть весьма жесток. Как и его сын, кузен Андрей, убивший Огонька.

Народ зашептался, зароптал, начал осуждающе коситься и шикать на Горчакова, впрочем, тот никак на них не отреагировал.

- Вы боитесь князя Горчакова вследствие его поступков, или вследствие общего недоверия ко всем окружающим?

Вот тут я поняла, зачем он спрашивает: проверял, уловлю ли я разницу.

- Первое, - ответила я. - И основания у меня имеются.

Судья положил карандаш.

- Хорошо. Теперь скажите: читаете ли вы?

- Да.

- Что читали в последние недели?

- Свод законов. Судебные уставы. Бумаги по моему делу, ещё переписку покойного отца и часть его записей.

- Пишете ли вы письма? - продолжал судья.

- Да.

- Ведёте ли счёт деньгам?

- Веду.

- Знаете ли вы, какое имущество состоит за вами?

- Да.

- Понимаете ли вы, что значит отзыв иска?

- Да. Это значит отказаться от нынешнего требования и оставить всё как есть.

- А чего это будет стоить вам?

- Свободы.

«И, вероятно, жизни тоже», - но этого я вслух не сказала.

Веригин помолчал, не мигая сверля меня карими глазами, потом повернулся к Голубеву:

- Сторона попечителя желает задать свои вопросы?

Аркадий Семёнович кивнул, вышел из-за стола, подошёл ко мне и спросил:

- Александра Николаевна, верно ли, что после смерти родителей вы сделали замкнуты и избегали общества?

- Да.

- Верно ли, что подолгу сидели одна, не желая никого видеть?

- Да.

- Верно ли, что смерть вашей служанки Фёклы, а затем гибель любимой птицы привели вас в состояние крайнего потрясения?

- Да.

- И после этого приступы плача и страха стали чаще и продолжительнее?

- Да, - я едва совладала с голосом, чтобы он не дрогнул.

- Не приходило ли вам тогда в голову, что все вокруг желают вам зла?

- Приходило. Но зла мне желали далеко не все.

По залу кто-то тихо прыснул, Голубев сделал вид, будто не заметил.

- Хорошо. Тогда скажите: когда именно вам впервые пришла мысль, что князь Горчаков хочет вас обобрать?

- Не обобрать, а воспользоваться моим положением и моим имуществом в свою пользу, - легко поправила я.

- Это уточнение не меняет существа. Когда впервые?

- После нескольких разговоров, которые я невольно услышала, и после странностей в бумагах.

- В бумагах? - насмешливо переспросил он. - Вы в ту пору, если верить вам же, были потрясённой потерями барышней. Каким образом вы тогда смогли самостоятельно разобраться в документах?

- Потому что я не была глупа и не была без памяти.

Улыбка на лице Голубева не изменилась, но стала жёстче.

- Верно ли, что после побега из лечебницы вы скрывались под чужим именем?

- Верно.

- Не находите ли вы сами, что подобное поведение для молодой женщины вашего круга скорее говорит о расстроенном уме, нежели о рассудительности?

- Нет, - пожала плечами я.

- Почему же?

- Потому что я не желала вернуться туда, где вероятность окоченеть в ледяных ваннах до смерти весьма высока.

- Иными словами, вы признаёте, что были в состоянии крайнего страха и действовали под его влиянием?

- Я признаю, что боялась. Но, повторюсь, страх не равен безумию.

Адвокат понял, что теряет почву, и ударил в последнее:

- Скажите прямо: не внушил ли вам господин Громов основные доводы против князя Горчакова? Не действует ли он от вашего имени больше, чем вы сами?

- Нет. Господин Громов ведёт, точнее, вёл моё дело как нанятый мной адвокат. Желание вернуть себе свободу принадлежит мне одной.

- А если суд нынче же откажет вам? - быстро спросил Голубев. - Что вы будете делать завтра?

На секунду стало совсем тихо.

- Завтра, - ответила я с достоинством, - я встану утром и буду искать другой законный способ вытащить себя из этой ямы.

- Вопросов более не имею, - поклонился судье Голубев и вернулся на своё место.

Веригин перевёл взгляд на Петра Ильича.

- Сторона просительницы желает задать дополнительные вопросы?

Пётр Ильич поднялся.

- Один, ваше высокородие.

Судья кивнул.

- Александра Николаевна, ответьте суду, для чего вы просите свободы?

- Чтобы самой отвечать за свою жизнь. И чтобы никто больше не мог за моей спиной распоряжаться тем, что оставили мне родители.

- Вопросов нет, - кивнул Пётр Ильич и сел.

Меня отпустили. Я вернулась на место, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Веригин оглядел зал.

- Имеются ли у сторон иные заявления перед окончанием исследования дела?

- Имеется, ваше высокородие. Сторона просительницы ходатайствует о допросе попечителя, князя Алексея Дмитриевича Горчакова, по обстоятельствам исполнения им обязанностей в отношении личности и имущества моей доверительницы.

Голубев вскинулся со своего места так, что стул под ним противно вжикнул по полу.

- Протестую! Предмет настоящего заседания - состояние просительницы и основания к сохранению над нею попечения, а не ревизия управления имуществом! Сторона просительницы пытается обратить заседание в проверку счетов, для каковой имеется отдельный порядок.

- Ваше высокородие, - Пётр Ильич даже не повернул головы в сторону оппонента, - попечительство охватывает и личность, и имущество подопечной в одном правовом отношении. Сторона ответчика сама ввела в материалы дела вопрос о лечении моей доверительницы. На том же самом лечении сторона ответчика основывала и свои действия по распоряжению имуществом подопечной, и свои возражения в настоящем заседании. Прошу позволить представителю просительницы задать попечителю несколько вопросов о том, во что обходилось это попечение и какими средствами покрывалось.

Судья молчал, задумчиво постукивая карандашом по краю стола, затем всё же коротко обронил:

- Допускаю. Князь Горчаков, прошу к кафедре.

В зале заскрипели скамьи - журналисты подались вперёд, я сцепила пальцы под столом так, что они занемели. Горчаков, гордо расправив плечи, поднялся, прошёл к кафедре с видом человека, которому всё происходящее ниже его достоинства.

Пётр Ильич развернулся так, чтобы видеть и судью, и князя.

- Ваше сиятельство, каков был размер ежемесячного содержания моей доверительницы в лечебнице доктора Штейна?

- По счетам доктора, двести рублей в месяц.
- Двести. Чем подтверждается эта сумма?
- Я платил наличными, по договорённости с Карлом Ивановичем.
- То есть документального подтверждения у вас нет.
- Карл Иванович человек чести, - холодно отчеканил князь. - Расписок я с него не требовал.

Пётр Ильич чуть склонил голову к плечу:

- Что входило в эти двести рублей в месяц?
- Палата, питание, уход, лекарства и, естественно, наблюдение врача.
- Палата была отдельной?
- Да! - возмущённо фыркнул князь.

Мой поверенный взял со стола один из документов.

- Описание этой комнаты приобщено к делу со слов самой моей доверительницы и со слов свидетельницы Фроловой, давшей сегодня показания: узкая железная кровать, тюфяк ватный тонкий, одеяло шерстяное ветхое; стол, стул, ванна и ведро. Окно с решёткой, без занавеси. Никакого отопления и ковра, никакого умывальника, только кувшин с холодной водой. Это палата за двести рублей в месяц, ваше сиятельство?

Голубев подался вперёд, но Веригин его остановил строгим взглядом.

- В эту комнату я не входил, - наконец ответил Горчаков, а я едва удержала возмущение, лжёт, как дышит. - Что мне говаривал Карл Иванович, тем и довольствовался.

- Не входили, говорите. Что же, далее питание. По свидетельству Фроловой, каша на воде, хлеб, чай без сахара. Тот же стол, что у остальных пациентов, без всякой надбавки. Это питание за двести рублей в месяц?

- Значит, так надо было для лечения, - не дрогнул Горчаков. - Я полностью доверял доктору Штейну.

- Это, простите, я уже слышал. Лекарства. По скорбному листу применялась настойка лауданума. Даже при весьма обильном употреблении расход её не мог объяснить двухсот рублей в месяц.

В зале зафыркали. Веригин коротко стукнул карандашом по столу, восстанавливая тишину.

- Что вы от меня хотите? - процедил князь. - Я платил доктору общую сумму. Как Карл Иванович её делил, не моё дело.

- Тогда позвольте подвести итог за вас. Реальная стоимость содержания моей доверительницы в этой лечебнице, по самому щедрому подсчёту, не превышала шестидесяти-восемидесяти рублей в месяц. За четыре месяца это не более трёхсот двадцати рублей. Вы же утверждаете, что выплатили доктору Штейну восемьсот. Куда ушла разница в четыреста восемьдесят рублей?

- Если доктор Штейн назначал собственные надбавки на лекарства, оборудование или особый уход, мне об этом известно не было.

- Не было известно, - медленно повторил Громов-младший. - Принимаю ваш ответ, ваше сиятельство. Перейдём к доходам моей доверительницы, - и положил перед собой второй лист.
- Доходный дом на Литейном проспекте приносит четыре тысячи рублей чистого годового дохода. Сведения подтверждаются реестром аренд, копию я представил суду перед началом заседания, прошу приобщить.

Судья молча кивнул.

- За четыре месяца, в течение коих моя доверительница содержалась в лечебнице доктора Штейна, дом дал ей не менее тысячи трёхсот рублей чистого дохода. Даже если принять Ваши слова о восьмистах рублях, будто бы выплаченных доктору Штейну, остаётся не менее пятисот рублей только с одного Литейного дома. Куда были израсходованы эти деньги?

- На содержание подопечной, на расходы по её делам и иные необходимые издержки. У меня, как попечителя, есть расходы, не сводящиеся к одной лечебнице.

- На пятьсот рублей за четыре месяца, ваше сиятельство? У моей доверительницы за этот период не велось ни одного дела, кроме её собственного помещения в лечебницу.

Горчаков молчал.

- Я задал вопрос.

- Не помню в подробностях, - наконец процедил тот. - Если Вам угодно, представлю отчёт.

- Вот к этому я и подвожу, ваше сиятельство, - Пётр Ильич резко приблизился к кафедре, и я увидела, как Горчаков сделал невольный шаг назад. - По положению об опеке, попечитель обязан подавать в дворянскую опеку отчёт о доходах подопечной и о расходах по её содержанию ежеквартально. С момента утверждения вас попечителем, ваше сиятельство, прошло восемнадцать месяцев. Должно быть подано пять отчётов. Сколько из них Вами подано?

- Я был занят делами

- Сколько подано, ваше сиятельство?

- Два, - наконец проговорил Горчаков, сжав ладони в кулаки.

Зрители сидели едва дыша, боясь что-то пропустить.

- Всего два отчёта в дворянскую опеку за восемнадцать месяцев попечительства, - повторил Громов-младший, не повышая голоса и повернулся к Веригину. - Ваше высочордие, ходатайствую о приобщении к делу справки, полученной мною из дворянской опеки Санкт-Петербургской губернии накануне настоящего заседания. Справка подтверждает, что за весь период попечительства князя Горчакова отчётов от него в опеку было всего два. Бумага со мной.

- Приобщить, - обронил судья и сделал пометку у себя в деле.

Пётр Ильич снова посмотрел на князя.

- Последний вопрос, ваше сиятельство. Считаете ли Вы, что попечитель, в распоряжении которого находились доходы подопечной на сумму, по самой скромной оценке, превышающую пять тысяч рублей, и который за полтора года подал в опеку всего два отчёта о расходовании этих средств, надлежащим образом исполнял свои обязанности по отношению к ней?

Горчаков поднял глаза на моего адвоката. На секунду мне показалось, что он сейчас бросится через кафедру и впечется зубами ему в глотку.

- Я отвечу на этот вопрос там и тогда, где сочту нужным.

- Нынешнего ответа суду достаточно, - кивнул Пётр Ильич. - У меня более вопросов нет, - договорив, вернулся ко мне и сел рядом.

- Сторона попечителя имеет вопросы к ответчику? - повернул голову к Голубеву судья.

- Не имею.

- Ваше сиятельство, можете вернуться на место.

Князь кивнул и пошёл к своему столу.

Веригин оглядел зал.

- Имеются ли у сторон иные заявления перед окончанием исследования дела?

- Нет, ваше высочордие, - ответил Пётр.

- Нет, - глухо проговорил Голубев.

- Хорошо. Суд признаёт исследование обстоятельств оконченным и переходит к прениям сторон. Слово стороне попечителя.

- Ваше высочордие, сторона попечителя не станет отрицать, что в части хозяйственного управления имуществом подопечной могли иметь место отдельные упущения, подлежащие, если суд найдёт к тому основания, рассмотрению в установленном порядке. Однако предмет настоящего заседания иной. Перед судом стоит вопрос не о ревизии счетов князя Горчакова, а о душевном состоянии госпожи Оболенской и о наличии законных оснований к сохранению над нею попечения. Эти вопросы юридически различны, и смешение их способно привести суд к выводу внешне убедительному, но по существу ошибочному. Из того, что попечитель не

представил некоторых отчётов в срок, ещё не следует, что просительница способна самостоятельно управлять собой и значительным имуществом. Перед нами молодая особа, перенёсшая тяжёлые потрясения, скрывавшаяся под чужим именем, питающая болезненное недоверие к ближайшему родственнику и склонная усматривать в действиях семьи злой умысел. Сторона попечителя просит суд отделить одно от другого. Повторюсь, вопрос о хозяйственных отчётах, если он будет признан существенным, может быть передан в надлежащий порядок. Но вопрос о личности просительницы требует особой осторожности. До получения дополнительных медицинских заключений о состоянии госпожи Оболенской сохранение попечения за князем Алексеем Дмитриевичем представляется необходимым в её же собственных интересах.

Он поклонился и сел.

Пётр Ильич поднялся не сразу. Сначала аккуратно закрыл лежащую перед ним папку, выровнял её по краю стола и только потом встал, вышел из-за стола и, повернувшись так, чтобы его видели и Веригин, и зрители, заговорил:

- Ваше высочордие, сторона попечителя предлагает суду осторожность. Я же прошу суд обратить внимание на обстоятельства, в свете коих слово «осторожность» в устах противной стороны теряет смысл.

Пауза.

- Перед судом не вопрос о том, ошибся ли один врач. Перед судом - последовательность действий. Девуцу двадцати лет сначала помещают в частную лечебницу. Затем незаконно добывают заключение второго врача. После персонал той же лечебницы, состоящий на жалование у того же хозяина, даёт суду показания, не вполне сходящиеся с их же собственными записями в скорбном листе. Наконец, два независимых специалиста прямо говорят суду: признаков душевной болезни нет.

Он повернулся к столу попечителя так, чтобы видеть Горчакова.

- Всякий следующий шаг служил тому, чтобы лишить Александру Николаевну свободы и возможности защищать своё имущество.

Горчаков опасно прищурился. Пётр Ильич, не замечая его полного ненависти взгляда, продолжал:

- Принять предложение противной стороны - значит оставить за князем Горчаковым власть над личностью и имуществом молодой женщины, объявленной безумной при помощи подложного заключения и зависимых свидетелей. Сторона просительницы не просит суд оставить Александру Николаевну без всякого законного надзора над имуществом до совершеннолетия. Мы просим иное: устранить от сего надзора князя Горчакова, ибо обстоятельства дела не позволяют более считать его лицом, действующим в интересах просительницы.

Обведя взором притихший зал, добавил:

- Поэтому прошу суд: признать недоказанным душевное расстройство графини Оболенской и отменить попечение князя Горчакова над её личностью, отстранив его от распоряжения её имуществом. Также прошу воспретить князю Горчакову совершать какие-либо действия с бумагами, капиталами, домами и именными просительницы без особого дозволения суда. Сторона просительницы поддерживает поданное ранее ходатайство в полном объёме.

Резко развернувшись, прошёл к столу и молча сел.

- Суд удаляется для постановления определения, - Веригин поднялся, и зал поднялся следом за ним. Вскоре дверь за председательствующим закрылась.

Зрители почти сразу же задвигались, начав шумно переговариваться.

- Долго ждать? - тихо спросила я Петра.

- Не думаю, что судье понадобится много времени, чтобы вынести решение, - также тихо ответил он.

Ждать пришлось действительно недолго. Дверь в глубине зала отворилась всего четверть часа спустя.

- Прошу садиться. Суд продолжает заседание.

Шум стих. Председательствующий взял лист и, не торопясь, прочёл:

- Выслушав объяснения сторон, исследовав письменные доказательства и показания свидетелей, суд определил: признать недоказанным душевное расстройство графини Оболенской Александры Николаевны в той мере, которая могла бы служить законным основанием к сохранению над нею особого надзора и ограничению её личной свободы; попечение князя Горчакова Алексея Дмитриевича над личностью просительницы отменить немедленно.

Он перевернул лист.

- Отстранить князя Горчакова Алексея Дмитриевича от дальнейшего попечения над имуществом просительницы; вопрос о назначении иного попечителя до достижения просительницей совершеннолетия передать по принадлежности в дворянскую опеку. Впредь до сего произвести опись бумаг, доходов, имений и капиталов, принадлежащих просительнице, и воспретить князю Горчакову распоряжаться ими без особого дозволения суда.

Вот тут зал уже не удержался: радостный шум поднялся разом. Приставы прикрикнули на публику. Журналисты что-то рьяно застрочили в своих тетрадах.

- Материалы относительно показаний доктора Штейна, письмоводителя Пчелина и представленного ранее медицинского заключения, - продолжал Веригин, повысив голос, - проводить товарищу прокурора при Санкт-Петербургском окружном суде для надлежащего рассмотрения. Доктора Штейна оставить под надзором судебных приставов до передачи прокурорскому надзору.

На слове «прокурор» Штейн дёрнулся так, будто хотел сорваться с места и бежать без оглядки.

- Заседание окончено.

Я невольно посмотрела на Горчакова. Тот сидел неподвижно, смотря прямо перед собой с каменным выражением лица, и лишь часто бьющаяся жилка у виска, показывала его истинное состояние: князь был в бешенстве. Голубев наклонился к нему и что-то тихо сказал, но Горчаков даже головы не повернул в его сторону, резко вскочил, и, ничего не ответив своему адвокату, широкими шагами направился на выход.

Пётр Ильич, не торопясь, сложил бумаги в портфель, защёлкнул латунный замок, встал. На мгновение задержал руку на спинке моего стула.

- Идёмте, Александра Николаевна, - позвал негромко. - На выходе нас уже ждут журналисты и карикатуристы, - на последнем слове он иронично хмыкнул. - Я скажу им пару фраз, вы молчите.

У дверей зала действительно толпились люди с блокнотами наготове. Пётр остановился прямо перед ними, отвёл меня себе за плечо и хорошо поставленным голосом громко заговорил:

- Господа, по существу определения суда комментариев не последует. Замечу лишь: попечительство над личностью графини Оболенской отменено немедленно. Вопрос об имуществе передан законному порядку. Дело о подложном заключении получило надлежащий ход. Графиня Оболенская признана судом в здравом уме и в полном своём праве. До новых распоряжений суда ни она, ни её защита более ничего не прибавят.

И повёл меня сквозь толпу, придерживая под локоть своими сильными пальцами. Журналисты, несмотря на слова Громова-младшего, забросали нас вопросами, тем не менее расходясь в стороны перед нами.

У выхода ждал извозчик. Макар распахнул дверцу. Пётр помог мне забраться внутрь, сам сел рядом. Дверца захлопнулась, и возбуждённая толпа осталась позади. Первые две минуты молчали. Я же, не в силах скинуть напряжение, всё никак не могла поверить, что мы победили. Наверное, нужно больше времени, чтобы привыкнуть к этой мысли.

- На этом всё? - не выдержала я и, сцепив пальцы в замок, повернулась к спутнику.

Он пристально посмотрел на меня своими чёрными глазами, будто пытаюсь заглянуть в самую душу, и ответил:

- Безусловно, нет Я только начал, Александра Николаевна.

Глава 3

- Объясните.

- Сегодня суд освободил вашу личность. Это первое и важнейшее. Но имущество ещё не у вас в руках. Князь Горчаков отстранён от попечения, однако у него остаются люди: управляющие, письмоводители, приказчики и даже банковские служащие. Пока судебное определение в заверенной копии не разойдётся по учреждениям, где лежат ваши счета, бумаги и капиталы, князь физически может к ним тянуться. До завтрашнего полудня точно. Раньше заверенную копию в канцелярии суда мне не выдадут.

- То есть всю ночь он может...

- Может, - Пётр Ильич кивнул. - И своё время он не упустит, будьте уверены.

Я снова посмотрела на проносящиеся мимо здания. Извозчик ехал, не спеша, объезжая сугробы у Литейного моста; полозья шуршали по свежему вечернему снегу, горели редкие фонари, в окнах домов уже зажигались огни. А был всего лишь пятый час.

- Вы должны быть готовы, к тому, что когда мы войдём в ваш дом на Литейном, многое будет вывезено, - продолжил он ровным голосом. - Картины, фарфор, серебро, ковры, мебель полегче. Важные бумаги, драгоценности вашей матери. И следов, чтобы за что-то зацепиться, тоже не останется.

Поморщившись, я вздохнула:

- Что-то можно будет вернуть?

- Через суд - да. Если обнаружим, что конкретная вещь оказалась у конкретного лица, будем требовать её возвращения. Но сначала надо понять, что именно пропало. Для этого нужна опись.

Я кивнула, не отрывая взгляда от темнеющих фасадов.

- Куда мы едем?

- К моему отцу. Я перевёз его в частную клинику, там врачи внимательнее.

- Надо же, быстро вы, однако... Но, полагаю, стоит с визитом повременить, доктора запретили его волновать.

- Не сообщать ему о результате будет хуже.

С этим сложно было не согласиться. Помолчали, я всё так же смотрела на дорогу, и при этом остро чувствовала изучающий взор чёрных глаз на своём профиле. Мне очень хотелось спросить, как именно Пётр помирился с отцом, и, посчитав момент вполне подходящим, полюбопытствовала:

- Пётр Ильич, я рада, что вы помирились с отцом.

Кажется, зря я об этом заговорила, от этого вопроса лицо Громова-младшего мигом стало совершенно непроницаемым.

- Ваше письмо, Александра Николаевна, сыграло немаловажную роль, - наконец произнёс он. - Без него я, быть может, ещё долго откладывал встречу с ним. И матушка... В последнее время она чувствует себя неважно. Она давно настаивала, чтобы я приехал и поговорил с отцом... Вы обе склонили меня хотя бы к разговору. Но я пока не стал бы утверждать, что простил.

- Одно то, что вы сделали шаг Илье Петровичу навстречу уже немало, - осторожно заметила я

- Уже немало, - кивнул Пётр, глядя куда-то мимо меня.

Ещё минут пять ехали в тишине, слушая, как скользят полозья по снегу.

- Александра Оболенская, больше не должна прятаться, - вдруг заявил Пётр, удивив меня. - И вы отныне прекратите это делать. Завтра у нас будет нужная бумага, возьмём судебного пристава и двух понятых, с тем и пойдём возвращать вашу собственность.

Посмотрев в его суровое лицо, я просто кивнула.

Частная лечебница на Загородном проспекте была для состоятельных пациентов. В воздухе пахло не просто лекарствами, а деньгами: натёртый до янтарного блеска паркет, тяжёлые портьеры на окнах, латунные ручки, шикарная ковровая дорожка на лестнице. В углу вестибюля стояла кадка с фикусом, рядом с ним столик с фарфоровой вазой, куда кто-то поставил свежие еловые ветки. На стене висели часы в ореховом футляре, под ними скучал лакей в тёмной ливрее.

Дежурный фельдшер, увидев Петра Ильича, уважительно ему поклонился. Я же задумчиво покосилась на своего спутника. Мой адвокат, однако, весьма состоятельный мужчина.

Нужная нам палата находилась на втором этаже, в левом крыле с окнами на больничный сад. Дверь была приоткрыта. У окна стояла железная кровать с никелированными спинками, на ней лежал Илья Петрович в тёплой пижаме, с накинутым поверх халатом, обложенный подушками, и читал газету. На тумбочке: стакан с какой-то настойкой и книга с закладкой.

Илья Петрович был всё таким же бледным и осунувшимся, но глаза, когда он повернул голову на скрип двери, были всё такими же живыми и внимательными.

- Ну? - выдохнул он без приветствий.

- Выиграли. Попечение над личностью отменено, - ответил ему сын, пропуская меня вперёд и закрывая за нами дверь. - Горчаков отстранён от имущества, вопрос передан в дворянскую опеку. Материалы по Штейну и Пчелину препровождены товарищу прокурора.

Илья Петрович облегчённо выдохнул, закрыв на мгновение глаза. Несколько секунд лежал неподвижно. Когда снова посмотрел на нас, ресницы у него слиплись от влаги.

- Слава Богу.

Я быстро подошла к нему, села рядом и взяла за руку, несильно сжала.

- Сашенька...

- Илья Петрович, всё хорошо. Мы смогли. Всё благодаря вам. Век признательна буду.

Он тут же отмахнулся от моих слов и настойчиво попросил:

- Рассказывайте. По порядку, с деталями.

И я рассказала. И про то, как Бехтерев осадил Голубева, на что Громов-старший тихо рассмеялся, одобрительно цокнув языком, посетовал:

- Эх, жаль, меня там не было.

Завершила описанием лица Горчакова, его едва сдерживаемым бешенством. Пётр добавил детали, а Илья Петрович слушал нас с непередаваемым удовольствием, даже лёгкий румянец на щеках проступил.

Стоило нам смолкнуть, как старый адвокат повернул голову к сыну, стоявшему в ногах кровати, и сказал ему:

- Петя, не дай князю опомниться.

- Не дам, отец.

Илья Петрович долго смотрел на него, затем перевёл взгляд на меня.

- Старый Громов вытащил тебя из ямы, Александра Николаевна. А молодой, похоже, намерен засыпать эту яму вместе с теми, кто её рыл.

Я невольно улыбнулась.

- А ты, сын, - старик снова посмотрел на Петра, - не торопись. Не спугни Горчаковых, чтобы они не надумали бежать раньше времени.

- Не сбегут, я уже подёргал за ниточки, за ними присмотрят. К тому же денег у князя сейчас немного, за границей он на эти крохи не сможет в полной мере обеспечить беременную жену и разгильдяя-сынка, - не сдержал усмешки Пётр.

Помолчали. Я физически ощущала напряжение, идущее от сына к отцу. И в то же время обида Петра уже не была такой жгучей, как, наверное, лет десять назад.

- Идите, дети, вам нужно отдохнуть, работы ещё очень много.
 - Я наклонилась к старику, поцеловала его в морщинистую щёку:
 - Завтра приду, принесу что-нибудь вкусненькое, испечённое Мотей.
 - О, это я с удовольствием. Буду ждать с нетерпением, - расцвёл улыбкой мужчина.
- ***

К шести вечера сани остановились у небольшого деревянного дома на Второй линии Васильевского острова. Дом стоял в глубине двора, за высоким забором. Степанида сняла его через знакомую немецкую вдову, когда стало ясно, что на Тринадцатой оставаться опасно.

Антон встретил меня у крыльца и отступил, открывая дверь.

В первой комнате, маленькой и тёплой, за столом сидели четверо.

Мотя бросилась ко мне и крепко обняла, не дав снять тулуп:

- Сашенька моя... Как прошло?!
- Мы победили. Я теперь свободна.

Дуняша, прижав руки к груди, закружилась на месте, радостно рассмеявшись, а после бросилась меня обнимать. Степанида Кузьминична, украдкой смахнув слезу, улыбнулась так широко, как я ещё не видела. Фома Акимыч довольно крикнул и принялся накрывать на стол, прежде засветив ещё пару масляных ламп.

Мотя достала белую скатерть. Вскоре запел самовар. На столе появились пироги, копчёная рыба, варёная картошка, солёные огурцы, штоф настойки на смородиновом листе из запахов Степаниды.

Меня усадили за стол. Антон и Макар садиться отказались: «При службе, Александра Николаевна. Никак не положено».

Я произнесла короткий тост:

- За победу! За тех, кого с нами нет сегодня. И за всех, кто дожил до этого вечера.
- Выпили молча. Мотя и Степанида смахнули слёзы.
- Сашенька, рассказывай, - попросила няня. - Жуть как интересно!

Часть вечера провели, уплетая вкусности и слушая мой рассказ, кое-что пришлось повторить несколько раз, настолько некоторые моменты понравились слушателям, они буквально смаковали каждую деталь.

- И что же теперь, Сашенька? - Мотя подалась вперёд.
 - А теперь, - я посмотрела на каждого по очереди, - мы переедем в дом на Литейном.
- В столовой стало тихо.

Мотя первая отмерла и решительно кивнула:

- Где ты, Сашенька, там и я. Уж само собою.
- И я, - тихо подхватила Дуняша.

Степанида молчала. Долго смотрела в чашку, водила пальцем по ручке. Я не торопила.

- Сашенька, - заговорила она наконец, не поднимая глаз. - Я с вами не поеду.
- Почему?

- Я останусь на Тринадцатой, - и посмотрела на меня. - Чертёжную контору надо вести. У нас договоры с заказчиками, которые пока застопорились из-за суда. У нас репутация за два месяца какая-никакая собралась. А на Литейном конторе места нет, сама понимаешь.

Я слушала, не перебивая, а в груди разливалось благодарное тепло.

- И ещё, - Степанида неловко поправила рукав. - Я думала над твоими словами и решила, что ты права. Буду учиться счетоводству. На курсы пойду, коли такие имеются. Али учителя найму. Буду вести книги при бюро как следует.

- Степанида Кузьминична, это лучшее, что вы могли сказать, - улыбнулась я, уже не сдерживаясь.

- Согласна, значит? - моргнула она растерянно.

- Да! Бюро так и будет находиться на Тринадцатой. Контора тоже останется на вашем имени. Учителя по счетоводству найдём. Илья Петрович наверняка знает подходящего человека.

Тут Фома Акимыч кашлянул в кулак.

- Барышня... А я тоже тут, э-э... На Тринадцатой с Кузьминичной останусь. За дровами смотреть, за двором. На Литейном свои сторожа, чай, найдутся. А тут я нужен. И привык я, нравится мне с новыми людьми знакомиться, - смущённо признался он, отведя взор.

- Фома Акимыч, - мягко позвала я, - никто вас силой на Литейный не потянет. Как решили, так и будет.

- Правда? - вскинул он глаза.

- Правда, - кивнула я и посмотрела на Антона: - Ты при них останешься.

- Как скажете, - коротко поклонился мужчина.

В пять утра мы все вернулись на Тринадцатую. Я, оказавшись у себя в комнате, прилегла, чтобы немного полежать и сама не заметила, как уснула.

Разбудили меня голоса на кухне. В окно уже светило солнце. Встав и одевшись, спустилась к своим.

После полудня мы вместе с Мотей и охраной отправились к Петру Ильичу.

Сначала я намылилась одна, но няня резко возразила:

- Прятки закончились, маскарад твой тоже. Сейчас ты незамужняя барышня, посему к поверенному одна не поедешь. Хоть он трижды Громов и четырежды надворный советник.

Я хотела поспорить, но под взглядом Матрёны Ильиничны благоразумно промолчала.

- Хорошо, - сдалась я. - Поедем вместе.

Мотя удовлетворённо кивнула и отправилась за тёплым платком.

Контора Петра Ильича располагалась в доходном доме недалеко от Невского. На двери висела аккуратная медная табличка: «П. И. Громовъ, присяжный повѣренный округа С.-Петербургской судебной палаты».

Мы вошли в узкую приёмную с двумя стульями для посетителей, высоким шкафом для дел, письменным столом у окна, за которым сидел средних лет письмоводитель. На стене висели часы с маятником, под ними стояла стойка для тростей и зонтов.

Письмоводитель с прилизанными волосами поднялся при нашем появлении.

- Графиня Александра Николаевна Оболенская к Петру Ильичу, - представилась я.

Он поклонился и тут же скрылся за внутренней дверью. Через несколько секунд вышел Пётр Ильич. Сегодня он был в тёмном сюртуке из тонкого сукна, светлом жилете и чёрных брюках со стрелками. Чёрный шелковый галстук идеально завязан.

- Александра Николаевна, - поклонился он мне.

- Моя спутница, Матрёна Ильинична, - представила я ему няню, он кивнул и ей.

Мотя ответила с достоинством:

- Здравствуйте, Пётр Ильич.

Он распахнул дверь кабинета.

- Прошу.

Это помещение оказалось просторнее первого: большой письменный стол, два шкафа с делами, карта Петербурга на стене, рядом с ней карта железных дорог. На подоконнике стопка газет, прижатая бронзовым пресс-папье. У печи грелся чайник.

- Вижу, бумаги Ильи Петровича у вас? - кивнула на знакомую потёртую папку, в которой хранил моё дело старый адвокат.

- Все, какие касаются вашего дела, - ответил мужчина, отодвигая для меня кресло и помогая усесться. - Матрёна Ильинична, садитесь, пожалуйста, на стул у печи. Там теплее.

Мотя прошла вперёд и села на самый краешек. Сумку положила себе на колени и сцепила на ней руки, всем своим видом демонстрируя строгость.

Пётр Ильич заметил это, но улыбку сдержал.

- Чаю?

- Благодарю, но откажусь, - отозвалась я. - Сначала дело.

- Как пожелаете.

Он сел за стол, достал чистый лист и положил рядом вчерашнее судебное определение в черновой выписке.

- Давайте по пунктам, - и взял перо. - Первое. Сегодня у канцелярии короткий день, но я надеюсь всё же, что к полудню заверенная копия определения суда будет готова. Без неё нас никуда не пустят. Второе. Прощение в дворянскую опеку о назначении нового попечителя по имуществу до вашего совершеннолетия. Кандидатом выступит Михаил Константинович Оболенский. Ближайший родственник по отцовской линии.

- Дядя Михаил за тем сюда и приехал, - кивнула я.

Пётр Ильич поднял глаза.

- Вам нужно взять у него письменное подтверждение. Пока он лежит в больнице, я попрошу опеку принять охранительные меры к исполнению судебного определения.

- То есть дядю Михаила утверждают не сразу?

- Скорее всего, нет. Но запрет на распоряжение, лишь первая половина дела. Вторая - чтобы ни один управляющий не мог притвориться, будто ничего не знает. Решение суда необходимо разнести по рукам. Далее... Опись. Назначим на понедельник. Сегодня Сочельник, завтра Рождество, в воскресенье ни один пристав не пойдёт, и ни один понятый не оставит праздничного стола. Так что у князя есть три дня в течение которых он сделает всё, что успеет. Это нужно учитывать.

- Ясно...

- Опись будет включать всё, что принадлежит вам и что могло пострадать от чужого управления: доходный дом на Литейном, московский дом, государственные бумаги, акции железнодорожных компаний, земельный участок у железнодорожной ветки. Сразу оговорюсь: к отцовскому имуществу князь Горчаков законного отношения не имел. Но между «не имел права» и «не пытался добаться» большая разница.

- Значит, он не мог их продать?

- Законно - нет. Но мог выводить доходы, подделывая отчёты через управляющих. Теперь Покровское...

Мотя тихо охнула. Пётр перевёл на неё взгляд.

- Вам известно это имение?

- А как же, - Мотя теснее прижала сумку к себе. - Наталья Михайловна его очень любила. Мы часто там бывали.

- Тем лучше, - адвокат сделал пометку. - Ваши воспоминания могут пригодиться при сверке описи.

- Горчаков приходил ко мне в лечебницу, - нахмурилась я, припоминая, - и сказал, что, поскольку моё лечение обходится весьма недёшево, он связался с Дворянским банком и заложил часть имения.

Пётр перестал писать.

- Заповедное владение нельзя заложить как обыкновенное имение, - медленно произнёс он. - Попечитель не волен обратиться к источнику займа по собственному усмотрению, даже ссылаясь на расходы по лечению. Для этого нужно законное основание, разрешение надлежащих властей и безупречные бумаги.

- Значит, он схитрил?

- Возможно... Он мог не заложить само Покровское, а выдать за залог доходы с него. Мог представить в банк ходатайство и говорить о деле так, будто оно уже решено. Мог, наконец, подать бумаги с превышением своих прав.

Он обмакнул перо в чернильницу и сделал на листе ещё одну пометку.

- Поэтому запрос в Дворянский банк будет не общий, а предметный: имеются ли по Покровскому какие-либо закладные, прошения, оценочные описи, проекты займа, доверенности, согласия от вашего имени или распоряжения князя Горчакова как попечителя. Заодно потребуем копии всех бумаг.

- Если залог действительно оформлен?

- Тогда будем смотреть, на чём он держится. Если на праве князя как попечителя - оспорим превышение власти. Если на вашем согласии - проверим подпись. В любом случае, Александра Николаевна, слова князя для нас не доказательство. Подтверждением будет бумага с подписью, датой и печатью.

- А если банк уже выдал деньги?

- Тогда сперва выясним, кому именно они выданы и под какое обеспечение. Если деньги получил князь как ваш попечитель, он обязан будет показать, куда они пошли и почему расход признан необходимым для ваших интересов. Лечение, даже дорогое, не даёт попечителю права разорять заповедное владение без надлежащего разрешения.

- А если моя подпись подлинная? - напряглась я. - Взятая у меня обманным путём?

- Тогда это не подлог подписи, а порок воли.

- Что это значит?

- Что подпись написана вашей рукой, но согласия в законном смысле не было. Если вас ввели в заблуждение, скрыли содержание бумаги, подсунули лист среди других документов, воспользовались вашим состоянием после потрясения или вашим доверием к попечителю, такое согласие можно оспорить. Доказывать будем, ссылаясь на даты. Была ли у вас возможность прочесть текст, получили ли вы что-нибудь от этого займа. Пошли ли эти деньги действительно на ваше лечение или исчезли в счетах князя.

Пётр встал, прошёлся туда-сюда, размышляя.

- И ещё: если на дату подписи вы уже содержались в лечебнице как душевнобольная, банк должен был проявить особую осторожность. В суде Горчаков представил вас больной, неспособной самостоятельно распоряжаться собой. А для банка, выходит, представил вашу подпись как свободное и сознательное согласие на залог. Одно с другим плохо вяжется.

- Значит, даже если подпись настоящая, то это ещё не конец?

- Не конец, - кивнул он. - Что же, идём дальше...

Глава 4

Сегодня необыкновенный день... Сочельник.

Я повернулась на бок и посмотрела в окно. Свет солнца играл на гранях ледяного узора, похожего на папоротник, что "пророс" по краю стекла. Где-то на улице вяло тявкнула собака, потом проехала ранняя подвода, её полозья смачно хрустнули по плотному снегу, и звук этот медленно растворился в морозной тишине. Я ещё немного полежала, прислушиваясь к дому. Снизу кто-то тихо кашлянул, затем скрипнули половицы, услышала приглушённый голос Моти, которой ответила Степанида.

Лениво потянувшись, откинула одеяло и села, свесив ноги с постели. В комнате было прохладно, печь успела остыть. Быстро натянула тёплые шерстяные чулки, надела платье и вышла в коридор, где чарующе пахло еловыми ветками.

Спустилась на первый этаж и наткнулась на Фому Акимыча, стоявшего на табуретке у окна. Мужчина крепил на гвоздь еловую ветку, перевязанную красной лентой.

- С наступающим, Александра Николаевна, - завидев меня, улыбнулся он.

- И вас, Фома Акимыч. Вы, что же, даже не ложились?

- Ага, - поддакнул он, - тут не до сна, день-то какой. Как вернулись, так сразу и за работу.

Я кивнула и пошла дальше. Кухня встретила меня жаром и дивным ароматом. Сочиво у Моти варилось в большом чугушке. Рядом, в маленьком горшочке, томились сухофрукты: изюм, чернослив и курага. На другой конфорке кипела вода для узвара. На столе стояли две глиняные миски с маком, замоченным с вечера, и с орехами, очищенными до белого ядра.

Мотя в чёрном платке колдовала у печи, помешивая пшеницу деревянной ложкой. Дуняша тёрла мак с сахаром в макитре (глиняная чашка с шероховатым дном).

Живот невольно сжался в голодном спазме.

- Доброе утро, - поздоровалась я.

- Сашенька! - няня обернулась, щёки её покраснели от жара. - Ты что в эту рань поднялась, голубка? Поспала бы ещё.

- Не спится. Услышала, что вы возитесь, вот и пришла. Может, чем-то помочь?

- Нет-нет, мы сами со всем справимся. Дуняша, налей Сашеньке чаю с лимоном. Постный нынче день.

Я села за стол, Евдокия поставила передо мной кружку с горячим чаем, бросила в неё тонкую дольку лимона. Сделав первый глоток, посмотрела в окно и подумала о том, что с момента своего пробуждения в теле Александры так ни разу и не посетила храм. Возможно, стоит этим вечером пойти ко всенощной? Навряд ли кто меня узнает...

В целом день прошёл странно - не надо было никуда бежать. И это бездействие сильно нервировало, мне всё казалось, что я что-то упускаю и догнать не успею.

Как только Мотя освободилась, съездила с ней к Петру Громову. Адвокат разъяснил ситуацию, расписал наши дальнейшие шаги, и выходило, что ждать нам придётся аж до понедельника.

Затем день потянулся, как резина. Няня, вернувшись домой, снова зашуршала на кухне. Степанида, запершись у себя в комнате, дошивала какую-то рубашу в подарок племяннику на Рождество, которого она собиралась навестить завтра. Дуняша, закончив дела на кухне, занялась уборкой в доме. Антон, то ходил по двору, то вместе с Макаром сидел в приёмной за чтением газет.

К четырём часам начало темнеть.

Стол накрыли белой льняной скатертью, под которую положили пучок свежей соломы. Посередине поместили большую глиняную миску с сочивом и рядом узвар в кувшине, вкусный и густой, с черносливом и сушёными грушами. Постные пирожки с капустой и грибами разло-

жили на деревянном блюде. В отдельные чаши положили мочёные яблоки, хрен, разведённый квасом, и солёные огурцы. Гречневую кашу с грибами подали в глубоком горшке.

Большая восковая свеча в серебряном подсвечнике стала завершающим штрихом.

У стены на маленьком столике поставили образ Спаса в посеребрённом окладе и незажжённую лампадку с пучком засушенных полевых трав, собранных ещё летом.

- Красиво, Мотя, - прошептала я, чувствуя в горле комок.

- Меня моя бабка, царствие ей небесное, научила, - улыбнулась женщина. - Теперь будем ждать первой звезды. Только лампадку зажжём, образ перед собой поставим. Молитву «Отче наш» произнесём и тропарь Рождеству пропоём, попросим прощения друг у друга. Потом ты, Сашенька, поскольку ты хозяйка дома, глянешь в окно, если увидишь первую звезду, то так и скажешь: «Взошла». Если небо тучами затянет, глянешь на свечу, молвишь то же самое. И вот тогда Фома Акимыч ложкой зачерпнёт сочиво, угостит сначала тебя, затем остальных.

- Условно всё же хозяйка Степанида, - нахмурилась я.

- У Степаниды свой дом. А здесь, на Тринадцатой, Сашенька, хозяйка именно ты.

Кузьминична кивнула, и я возражать больше не стала.

Зажгли свечу и засветили лампадку у образа, встали вокруг стола.

Мотя начала читать «Отче наш». И все мы зашептали следом за ней. Потом няня запела тропарь:

- Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...

Допев, няня поклонилась образу, и мы все следом за ней.

- Прости меня, Сашенька, - сказала она, поворачиваясь ко мне. - Если чем обидела, словом ли, делом ли.

- Бог простит, Мотя. И ты меня прости, - я почувствовала, как у меня перехватило дыхание от этих простых фраз.

- Бог простит, голубка.

Так мы перецеловались по очереди. Можно сказать, весь этот ритуал длился всего минуту, но я не помню, чтобы когда-нибудь в моей прежней жизни кто-то у меня просил прощения вот так, без повода... Да ещё столь искренне.

- А теперь, хозяйюшка, - повернулась ко мне Мотя, - посмотри в окно.

Небо было чёрно-синее, глубокое и бездонное, как океан, с блестящими в нём яркими звёздами. Над крышами соседних домов горела одна крупнее всех.

- Звезда взошла, - благоговейно выдохнула я.

- Слава Богу, - ответила Мотя.

Фома Акимыч взял деревянную ложку, зачерпнул из миски сочиво, протянул мне. Я приняла ложку из его рук и положила первую порцию в рот.

Сочиво было сладкое, с кислинкой от изюма, горчинкой тёртого мака и хрустящими на зубах орешками. Я не помню, чтобы когда-нибудь ела что-то настолько простое и одновременно со столь глубоким смыслом. После целого дня без крошки во рту, эта еда показалась мне пищей богов.

- Кушай, Сашенька, - няня погладила меня по спине. - Кушай.

Мы, устроившись за столом, ели сочиво, пирожки, кашу с грибами, запивая всё ароматным узваром. И никто никуда не спешил.

К половине седьмого, насытившись, поднялись и пошли одеваться.

Быстро натянув шерстяное синее платье, в котором я ходила на заседания, спустилась в приёмную, где меня уже ждали все домочадцы.

Вышли во двор. На Тринадцатой было пусто, только в окнах соседних домов теплились огоньки. Антон шёл на полшага позади, Макара и вовсе видно не было, но я знала, что он где-то поблизости, стережёт нас. В глубине Васильевского острова раздался первый колокольный звон. Мотя перекрестилась:

- Быют к всенощной. Идёмте скорее.

Дойдя до Большого проспекта, свернули направо. Я опустила голову так, чтобы была видна лишь часть лица. Из соседних дворов начали выходить люди целыми семьями: женщины в тёплых платках, старики в подбитых мехом шубах, дети, сонные и нарядные, прижимающиеся к матерям, важно вышагивающие мужчины.

Екатерининская церковь при Академии Художеств стояла на углу Третьей линии и набережной Невы. Невысокая с одним золотым куполом, который сейчас, в темноте, отсвечивал тусклой медью. В окнах призывно горел тёплый жёлтый свет.

Стоило мне войти в здание, как меня тут же обдало волной ладанного духа. Перед иконами горели свечи, в паникадиле трепетали огоньки. Народу было немного, около тридцати человек.

Степанида Кузьминична купила у входа восковые свечи, передала мне одну:

- Поставь к Богородице. У тебя сегодня к ней душа лежит, я по глазам вижу.

Я подошла к образу Казанской Божией Матери. Икона была старая, тёмная, лик едва угадывался под потускневшим серебром оклада, только глаза смотрели прямо на меня. Зажгла свою свечу от соседней, поставила в подсвечник.

«Благодарю Тебя, - мысленно обратилась я к ней. - За то, что я жива. За всех, кто меня окружает... И прошу лишь об одном, помоги не забыть лица сыновей...»

Хор на клиросе запел «Величание».

Я стояла рядом со своими всю всенощную, стараясь не показать, как затекли ноги и свело спину.

Когда вышли на улицу, был уже почти девятый час. Поднялся ветер и крупными хлопьями пошёл снег. Мы, размеренно шагая, отправились домой...

Утро Рождества началось с колокольного звона, идущего со всех сторон. Весь Петербург будто перешёл на язык колоколов. Звон катился над крышами, отражался от стен, уходил к Неве и возвращался к нам.

Мы, тепло одевшись, пошли к обедне.

Я снова стояла рядом с Мотей и Степанидой и смотрела на свечу у Богородицы.

Литургия шла своим чином. Я кланялась, крестилась как все, зорко следя, чтобы не напортачить. После службы старенький настоятель, отец Иоанн, вышел на амвон с крестом. Люди подходили к нему по очереди, целовали крест, получали благословение. Я тоже подошла.

- Христос родился, - сказал отец Иоанн.

- Славим Его, - ответила я, повторив за другими.

- С праздником, дочка, - улыбнулся он в седую бороду.

- И вас, батюшка.

Уже будучи дома, накрыли рождественский стол.

В печи томился молочный поросёнок, фаршированный гречневой кашей с грибами и луком. На блюде лежал, нарезанный тонкими ломтями, копчёный окорок. Холодец с хреном дрожал в глубокой миске. Рядом красовался гусь в яблоках, румяный, блестящий, источающий такой аромат, что даже Макар, обычно сдержанный, нет-нет да и сверкал на него полными алчности глазами.

Вскоре на столе появились ватрушки, кулебяки с мясом и капустой, медовые пряники. И конечно же, чай с сахаром.

Мы устроились за столом и вкусно поели.

В дверь постучали после одиннадцати. Фома Акимыч пошёл открывать, вскоре вернулся и доложил:

- Александра Николаевна, к вам Пётр Ильич.

Я замерла с куском поросёнка на вилке у рта. Мотя удивлённо приподняла брови:

- Сашенька, ты его звала?

- Нет, - покачала головой я. - Пойду, спрошу, что стряслось.

Я вышла в приёмную, где на пороге замер Громов-младший. На мужчине было чёрное пальто с бобровым воротником, каракулевая шапка в одной руке, и небольшая коробка, перевязанная красной лентой в другой. От Петра пахло морозом и дорогим одеколоном.

- С праздником, Александра Николаевна, - сверкнул он на меня своими антрацитовыми глазами.

- И вас с праздником, Пётр Ильич. Мы как раз разговляемся. Присоединитесь?

- Благодарю, но уже ел, - вежливо отказался он. - Я, собственно, приехал спросить, не согласитесь ли вы навестить моего отца... и мамушку. Она знает о вашем деле многое, сильно переживает и просит привезти вас к ней.

- С большой охотой. А к Илье Петровичу я и без того собиралась. Вот только я не одна буду, со мной поедет Матрёна Ильинична, она меня одну никуда не пустит.

- Матрёну Ильиничну мамушка тоже будет рада видеть, - улыбнулся мужчина, и я улыбнулась ему в ответ.

- Тогда дайте нам немного времени, чтобы собраться.

- Подожду в санях, - он развернулся было к дверям, как вдруг спохватился: - А это, простите, к вашему чаю, - и протянул мне коробку. Я подошла и взяла подарок. Упаковка была плотной, с золотым тиснением «Товарищество А. И. Абрикосова Сыновей», перевязанная широкой лентой с шёлковым бантом.

- Спасибо, Пётр Ильич. К чаю мы обязательно её откроем.

Он, пристально посмотрев мне в глаза, кивнул и вышел в сени. Я, отдав коробку Дуняше и попросив её собрать три корзинки с угощениями, побежала переодеваться.

Вынув платье из плотного коричневого кашемира с высокой стойкой-воротником, решительно его надела. Переплела волосы в сложную косу и пошла вниз.

Мотя ждала уже одетая:

- Корзинки с гостинцами уже снесли в сани, - оповестила она меня, открывая двери в сени.

В санях устроились напротив адвоката. Лошади тронулись, и мы покатали вперёд по заснеженным улицам...

Дом на Знаменской, возле которого остановился наш транспорт, был самым обыкновенным четырёхэтажным зданием с серой штукатуркой и парадной под широким козырьком.

Дверь нам открыла горничная в белом переднике поверх тёмного платья.

- Пётр Ильич, Анна Васильевна в гостиной, - поклонилась она ему, с любопытством поковырявшись на нас.

Мы прошли через анфиладу комнат. Квартира была обставлена добротной, но без излишней роскоши: в прихожей висело зеркало в тяжёлой деревянной раме; в гостиной стоял большой стол под белоснежной скатертью, у окна диван, обитый тёмно-зелёным бархатом. Стены украшали незатейливые картины, в основном пейзажи. В углу, сверкая стеклянными игрушками, стояла пушистая ёлка.

В одном из кресел у камина сидела немолодая женщина.

Анна Васильевна Громова оказалась невысокой и хрупкой. Лицо немного вытянутое с тонкими аристократическими чертами и большими зелёными глазами. Седые волосы убраны в незамысловатую причёску. Мама Петра была болезненно-бледной, но держалась прямо.

Когда мы вошли, она медленно поднялась. Сын сразу шагнул к ней, готовый поддержать, но она твёрдо остановила его порыв взглядом.

- Александра Николаевна, здравствуйте, - посмотрела она на меня. - Я о вас столько слышала... И сейчас, глядя на вас, чувствую, будто мы давно знакомы.

Голос у неё был тихий, мелодичный.

- Здравствуйте, Анна Васильевна. С Рождеством вас.

Я поклонилась глубже, чем требовало простое знакомство. Женщина протянула ко мне обе руки, я вложила свои ладони в её, и она мягко сжала мои пальцы.

- Сашенька, можно я так буду вас звать?

- Конечно.

- Спасибо, дитя.

Она перевела взгляд на Мотю.

- А вы, должно быть, Матрёна Ильинична? Садитесь, пожалуйста, к огню. Глаша принесёт нам чаю.

Мотя поклонилась, смущённая столь внимательным обращением. И неловко передала мне корзину.

- Гостинцы для вас, - улыбнулась я хозяйке дома. - С праздником вас, Анна Васильевна.

- И вас, милая.

Служанка, забрав нашу корзинку, ушла и вскоре вернулась с подносом. Чашки были тонкого фарфора, с голубой каймой. На стол поставили вазочку с вареньем, сухари, маленькое блюдо с пастилой и ломти лимона.

- Сашенька, Петя рассказал мне о вашем деле. И я скажу вам так: вы прошли через то, через что не каждый мужчина пройдёт.

- Спасибо, Анна Васильевна, но без помощи Ильи Петровича и Петра Ильича у меня ничего бы не вышло...

Затем мы говорили о погоде, о том, насколько Москва отличается от Питера, обсудили цены на чай, продукты и через час мы, откланявшись, поехали к Илье Петровичу.

Прежде чем проститься, Анна Васильевна снова взяла меня за руки:

- Приезжайте ещё, Сашенька. Не по делу, просто так.

- Приеду, - пообещала я, и, к собственному удивлению, поняла, что действительно хочу приехать.

В палате Ильи Петрович, увидев нас, сильно обрадовался, буквально расцвёл. Особенно его привлекла корзинка в руках Моти.

- Вот это я понимаю, гости! - воскликнул он, отложив газету. - С пустыми руками ко мне нынче редко кто приходит и правильно делает.

- Доктор велел тебе не переедать, - строго заметил Пётр.

- Доктор много чего велел, - парировал старый Громов. - Но доктор не знает пирогов Матрёны Ильиничны!

Мотя зарделась от удовольствия и принялась доставать из корзинки свёртки.

Мы тепло пообщались, послушали забавные истории из практики Громова-старшего. Он рассказывал так, что даже Пётр Ильич пару раз не выдержал и улыбнулся. Между ними всё ещё оставалось напряжение, которое я ощущала физически, но, и я была уверена в этом, всё это временно, и они рано или поздно найдут дорогу друг к другу.

Через час, пожелав Илье Петровичу скорейшего выздоровления, мы поехали к Михаилу Оболенскому. Частная лечебница встретила нас тишиной. Дежурная сестра узнала меня и проводила наверх.

Михаил Константинович сидел в кресле у окна и читал какую-то книгу. На подоконнике стояла ветка ели в узкой стеклянной вазе. Сам Оболенский выглядел куда лучше, чем в прошлый раз: отёк на лице спал и глаз открылся, хотя синяки ещё цвели страшными жёлто-багровыми пятнами.

При нашем появлении он отложил книгу и медленно встал.

- Саша?

- Сидите, дядя, - улыбнулась я, подходя к нему. - С Рождеством!

- И тебя, Сашенька! - обрадовался он. Я наклонилась и поцеловала его в щёку.

Михаил Константинович поприветствовал Громова-младшего и Мотю. Няня тут же поставила на стол корзинку.

- А там что? - заинтригованно потянул носом воздух мужчина.

- Гостинцы, - улыбнулась я.

- Вот за это отдельное спасибо! - оживился Михаил. - Здесь, конечно, кормят прилично, но оно без души, что ли... Аж тоска берёт.

Мотя тут же принялась доставать свёртки: пирожки, кусок гуся, ватрушки, пряники, маленькую баночку хрена и хлеб, заботливо завернутый в салфетку. Михаил Константинович смотрел на это с таким выражением, будто ему не еду принесли, а свободу в чистом виде.

- Матрёна Ильинична, тут больше, чем я просила, - улыбнулась я, - вы так перекормите пациента!

- Не перекормлю, напротив, подкреплю!

Оболенский громко рассмеялся, но тут же схватился за бок.

- Ох, не смешите, ради Бога! Рёбра всё ещё мало, что мне позволяют, и смех в том числе, - забавно фыркая, заметил он.

Я села на стул. Мотя устроилась у окна, предварительно разложив еду так, чтобы Михаилу было удобно дотянуться. Пётр Ильич замер чуть в стороне.

- Дядя, - решила я сразу перейти к делу, - Прокофия нашли.

Мужчина тут же весь подобрался, взятый в руку пирожок положил назад в салфетку и сосредоточенно на меня посмотрел.

- Не томи, Саша, говори как есть. Жив?

- Жив. Мои люди добрались до Бологого и нашли его в железнодорожной больнице при станции. Прокофий провёл ночь на морозе, сами понимаете, такое бесследно не проходит...

- Господи... - Михаил сжал подлокотники.

- Его левая нога пострадала. Два пальца пришлось отрезать.

- Ироды... - зло прошипел он на тех, кто сотворил подобное с его человеком.

- Прокофий поправится, дядя Миша, в целом его жизни ничего не угрожает... Я оставила своего человека рядом с ним, так что он под приглядом, а после, как позволят врачи, его доставят в Петербург, - добавила я, поднимаясь со стула.

- Спасибо, Саша.

- Не за что. Выздоровливайте и ни о чём не волнуйтесь.

Пётр довёз нас на своих санях до дома на Тринадцатой и, проводив меня до дверей, сказал:

- Александра Николаевна, послезавтра опишь. Помните?

- Да, конечно, - кивнула я.

- В девять утра я заеду за вами с приставом. Будьте готовы. И ещё, - помолчал немного.

- Спасибо вам за сегодня. Матушке одной скучно, вы скрасили ей день.

- Она у вас замечательная. Здоровья ей и всей вашей семье, - пожелала я.

- Спасибо, - мягко улыбнулся мужчина, такой улыбки прежде я у него не замечала. Она вдруг сделала его на много лет моложе и ранимее. Он беспокоился о больной матери столь искренне, что у меня вдруг сжалось сердце...

Глава 5

- Пётр Ильич, пока мы едем до Литейного, я хотела кое-что с вами обсудить.

- Слушаю.

- Вы недавно сказали, что отныне мне нет необходимости прятаться. Но Горчаков ведь никуда не исчез.

- Именно поэтому прятаться больше нельзя.

- Не понимаю, - я обескураженно покачала головой.

Адвокат откинулся на спинку сиденья, сцепил пальцы в замок на колене.

- Князь должен понять, что вы не боитесь. И что у юной наследницы Оболенской есть зубы. Я сказал, что прятаться нельзя, но вот беречься дальше всё так же необходимо. Последние дни я думал, как совместить одно с другим.

- И как же?

Он не спешил с ответом. Молча посмотрел в окно, на проплывающие серые здания.

- Вы наймёте ещё охранников, человек десять будет вполне достаточно и, разумеется, все не вокруг вас разом, а посменно: выезды, слежение за хвостом и ночная охрана. Я уже поговорил с Орловым, есть у него свободные на пару месяцев люди. Маршруты всегда будете строить разные. Незвестных людей к вам не пустят. Писем от незнакомых отправителей сами вы вскрывать не будете, это касается и посылок, и букетов.

- Букетов? - не сдержала улыбки я.

- Александра Николаевна, вы молодая, красивая и богатая наследница, - всё так же серьёзно продолжал Громов, - естественно, мужчин, желающих завладеть вашим вниманием, будет предостаточно.

- А я и забыла, что богата...

«И что столь юна», - добавила мысленно. Возразить тут было нечего, поэтому просто кивнула, соглашаясь с Петром. Действительно, охотников с матримониальными намерениями мне хватит за глаза.

- Несколько дней поживёте на Тринадцатой, пока мои люди проверят ваш дом на Литейном. Ещё в пятницу, как мы с вами и договаривались, я отправил человека в Покровское, чтобы смотрел за конюшнями, амбарами и господским домом.

- Да, мне бы не хотелось попасть на пепелище, - кивнула я, задумчиво глядя в окно. - Пожар - самый дешёвый способ навредить мне... - и, посмотрев на своего адвоката, уточнила: - Есть ещё что-то, не так ли?

- Журналисты. Они теперь не отстанут. Дело громкое, в зале суда сидели представители из крупных газет, а Голубев на прениях наговорил столько, что писать они будут долго и много, порой не очень приятного и даже далёкого от истины. За вашим бюро со вчерашнего дня уже приглядывали некоторые ушлые личности... Это первые ласточки, вскоре их станет куда больше, будут следить за вами и за Горчаковыми одновременно, и...

- И? - подалась я вперёд.

- И мы не будем гнать их поганой метлой. Вся эта возня нам на руку: репортёр у двери - это лишний свидетель. От них ни вам, ни Горчаковым не скрыться, уж поверьте.

- И что же делать? Мне бы хотелось иметь свободу действий.

- У вас будет двойник.

- Простите, что? - опешила я.

Вот это поворот!

- У вас будет двойник, Александра Николаевна, - терпеливо повторил собеседник. - Женщина вашего роста, сложения и общего облика. Она будет вести то, что свет назвал бы жизнью графини Оболенской: визиты к двум-трём дамам, чашка чая у знакомой моей матушки,

поездка в Гостиный двор, посещение службы и заезды в модные лавки. Газетчики и люди Горчакова будут гоняться за ней. А вы тем временем займётесь своими делами, насколько я понял, что-то неладно со строящимся мостом?

- Неладно это мягко сказано... И где же вы возьмёте такую женщину? - всё ещё не до конца понимая замысла Громова-младшего, спросила я.

- Бывшая актриса. Она у меня уже работала однажды по делу о наследстве. И за себя постоять умеет, так просто её не взять.

Я смотрела на него, начиная понимать, что мой адвокат - человек с куда более обширными связями и опытом, чем мне показалось изначально.

- Пётр Ильич, а когда вы приехали в Петербург?

- Чуть больше двух недель назад, - нисколько не удивился вопросу он.

- И за столь короткий срок успели изучить моё дело и накидать такой интересный во всех смыслах план действий... - я склонила голову к плечу, пристально рассматривая сидящего передо мной человека.

- Скажите спасибо моему отцу, мне и делать ничего не пришлось, он составил дело так, что любой адвокат справился бы с закрытыми глазами.

- Илья Петрович - адвокат от Бога, - кивнула я, соглашаясь. - Редкий специалист.

- Итак, Александра Николаевна, - продолжил Пётр Ильич, - вы с сегодняшнего дня живёте по новому распорядку...

Мне оставалось лишь согласиться, поскольку всё предложенное звучало как вполне рабочий план.

За окнами тянулся зимний, будто вычерченный углём по белёсой бумаге, Петербург. Снег лежал на карнизах тонкими неровными полосами, в подворотнях синела тень, а над крышами висело низкое небо цвета остывшего олова. Изредка попадались прохожие: закутанные в шарфы, согнувшиеся против ветра, они спешили по своим делам, не поднимая глаз. Город жил своей жизнью, равнодушный к моим проблемам.

Вскоре добрались до доходного дома на Литейном, сорок семь.

В первой крытой карете на полозьях были я, Мотя, Пётр Ильич и Макар. Во второй - письмоводитель Алексей Митрофанович, и судебный пристав в форменной шинели со служебным знаком на груди.

Мотя в течение всего разговора, как и Макар, молчала, делая вид, что её тут нет.

Сани замедлили ход и остановились напротив тёмно-серого, четырёхэтажного здания с парадной дверью под чёрным козырьком и двумя львиными мордами по бокам.

Дверца распахнулась, и Пётр Ильич помог мне покинуть транспорт.

- Отметьте время прибытия. Десять часов сорок две минуты, - бросил он письмоводителю. Алексей Митрофанович, вынув дощечку и лист бумаги, быстро вывел пару строк.

Снег у парадного был утоптан, а вот у ворот продавлен двумя глубокими полосами, то был след от полозьев, который не смог скрыть шедший часть ночи снег.

Не успела я подняться по широкой лестнице, как парадная дверь отворилась и нам навстречу вышел немолодой мужчина в чёрной ливрее с серебряными пуговицами. Лицо бесстрастное, но глаза бегали, будто не находя за что зацепиться. Он явно знал, кто мы, и зачем явились.

Пристав шагнул к нему, развернул бумагу:

- Заверенная копия определения Санкт-Петербургского окружного суда от двадцать третьего декабря тысяча восемьсот девяносто третьего года по делу графини Александры Николаевны Оболенской. Попечение князя Алексея Дмитриевича Горчакова над имуществом просительницы прекращено. Имею предписание произвести опись.

Управляющий открыл рот:

- Его Сиятельство приказали...

Пётр Ильич, стоявший рядом со мной, спокойно перебил мужчину:

- Его Сиятельство более не распоряжается этим домом.

- Извольте удостовериться в подлинности, - и пристав протянул бумагу захлопнувшему рот управляющему.

Тот взял документ. Прочёл, посмотрел на печать и поджал губы.

- Прошу, - выдавил он, наконец, и отступил, давая нам дорогу.

Власть в доме переменилась, смысла упираться не было. И вообще, всё его недовольство выглядело как-то глупо и наигранно.

- Как только перешагнёте порог, ничего не трогайте без пристава, - предупредил нас адвокат.

- Да мы что, чужие в собственном доме? - возмутилась Мотя.

- Так положено, Матрёна Ильинична. Один час потерпите, пожалуйста.

Няня, поджав губы, кивнула.

Пристав вошёл первым. За ним Алексей Митрофанович, готовый всё записывать, затем двое понятых: пожилой дворник и молодая хозяйка соседней мелочной лавки. Оба смотрели по сторонам с неослабевающим жадным интересом.

Мы вошли в числе последних.

В большой гостиной на обоях остались светлые прямоугольники там, где висели картины. Я насчитала шесть. На полу остался пыльный контур ковра. Буфет красного дерева стоял с распахнутыми дверцами совершенно пустой.

- Алексей Митрофанович, записывайте. Гостиная. Матрёна Ильинична, начинайте.

Мотя выпрямилась. Голос у неё дрогнул, но она, справившись с эмоциями, начала перечислять:

- Над диваном висел портрет графини Натальи Михайловны Оболенской работы Маковского, девяностого года. В голубом платье, с жемчугом. Рама золочёная, с лепным углом.

Алексей Митрофанович быстро записывал.

- Слева и справа от него - два малых портрета графа Николая Александровича Оболенского. Кисти того же Маковского. Меньшего размера, в круглых рамах. Во-он на той стене, знача, висели две гравюры по Айвазовскому и один пейзаж Шишкина. На полу лежал ковёр, синий с тёмно-красной каймой, ежели мне память не изменяет, шириной шага в четыре. Буфет был полон. Столовый сервиз из тонкого фарфора на двадцать четыре куверта, гарднеровский, Наталья Михайловна, царствие ей небесное, очень его любила. Служанки каждый день протирали... Серебряный сервиз: два больших блюда, шесть малых, восемнадцать ложек и столько же вилок. Чайный сервиз отдельный, серебряный, на двенадцать персон.

Она перевела дух, сосредоточенно огляделась ещё раз.

- Вон в том углу стояла большая ваза, такая синяя с золотом, на трёх медных лапах. Высотой... - Мотя задумалась, - мне вот досюда.

Письмоводитель едва успевал за разошедшейся женщиной.

- Что-то ещё припоминаете?

- Часы. На каминной полке стояли часы с двумя бронзовыми пастушками. Как сейчас помню, как Николай Александрович привёз их из самого Парижу.

Сейчас каминная полка была голой с тонким слоем пыли.

Так мы перешли из гостиной в столовую, оттуда в малую гостиную, затем в библиотеку. Я с каждым помещением всё удивлённее и восхищённее косилась на свою Мотю, которая, как оказалось, обладала удивительной памятью.

В библиотеке отсутствовало почти всё ценное. Полки стояли наполовину пустые. И тут уже заговорила я, память Саши подсказала, каких книг нет:

- Здесь стояли первые тома Брокгауза и Ефрона... И Соловьёв. Весь комплект: «История России с древнейших времён», двадцать девять томов.

- В протокол.

Кабинет отца оставили на «закуску». Ожидаемо дверь была заперта. Управляющий, мавший всю дорогу позади нас, поднял глаза:

- Ключ у Его Сиятельства.

Пётр Ильич повернулся к приставу:

- Вскрываем?

- Согласно определению имею право, - отозвался пристав и Пётр кивнул Макару, который достал из-за голенища тонкий стальной прут.

- Не надо, - остановила я их. Под пристальными взорами спутников подошла к двери, вынула из кармана своего зимнего пальто ключик и вставила в скважину, провернула два раза, створка и отворилась.

Кабинет отца был наполовину пуст.

Большой письменный стол стоял на месте: слишком тяжёлый, и с ним возиться не стали. Книжный шкаф у дальней стены демонстрировал пустые полки. Отцовского кресла на месте не было.

Сейф был закрыт, отворить его Горчаков так и не смог. Я набрала пароль и, распахнув дверь, показала всем пустое нутро.

- Я была здесь осенью и вынесла все бумаги, сейчас они находятся в безопасном месте, - прокомментировала я. Письмоводитель кивнул и записал в свой лист.

- Александра Николаевна, а что находилось в этом сейфе?

Я ответила, тщательно подбирая слова, потому что Пётр Ильич сейчас спрашивал не как друг, а как мой адвокат, которому нужна юридически чистая формулировка для протокола.

- Тридцать листов кредитных билетов и серебряные полтинники, - про конверты я умолчала, сама не знаю, почему.

- Записываю.

Пётр Ильич обошёл кабинет. У окна остановился, наклонился и что-то поднял.

- Алексей Митрофанович, зафиксируйте: на полу у западного окна обнаружен оторванный фрагмент бумажного ярлыка от папки. Цвет кремовый. На лицевой стороне рукописная надпись чернилами: «Покро...». Дальше оторвано. Запишите дословно.

Покровское? Вероятно.

- Приобщаем к протоколу осмотра, - коротко распорядился пристав. - Алексей Митрофанович, в конверт. Конверт надписать, опечатать и приобщу к делу.

- Достаточно, - решил Пётр Ильич, обращаясь к Алексею Митрофановичу. - Идём дальше.

К двум часам описать всего, что осталось, и того, что исчезло, была завершена. Пристав поставил последнюю подпись, понятые расписались, Алексей Митрофанович аккуратно собрал листы в кожаную папку, переложив их промокательной бумагой.

Пётр Ильич подозвал меня к себе и негромко заговорил:

- Александра Николаевна, неизвестно, кто из прислуги верен Горчакову. Управляющий - точно его человек, и о нём отдельный разговор будет с прокурором. Замки на парадной и чёрном ходе нужно менять немедленно. Надо проверить чердак и подвалы. Поставить людей. Убрать все продукты, заменить воду, глянуть в печные дымоходы. Двор и соседние выходы осмотреть отдельно.

Я понимающе кивнула, а он, помолчав немного, договорил:

- Князь сейчас в положении человека, который проиграл всё в один день. Такие люди иногда совершают глупости. И пусть вы более не в его власти, желание отомстить иной раз куда сильнее здравого смысла и осторожности.

Уже в санях Мотя села рядом со мной. Выглядела она подавленной, в глазах царила грусть, платок у неё был сбит набок.

- Сашенька. Я всё думаю. Как же быстро они... за пару ночей-то управились.

- А вот так...

- И что теперь?

- Теперь будем возвращать.

Пётр Ильич удивлённо на меня посмотрел и спросил:

- Александра Николаевна, вынужден вас огорчить, вероятно, мы не вернём ничего.

Я промолчала и, многозначительно улыбнувшись, посмотрела в окно.

Вернулись на Тринадцатую уже в третьем часу. За короткий зимний день город успел снова потускнеть и будто бы съёжиться под низким небом. В окнах лавок зажглись мутные жёлтые огоньки. Морозный ветер стих, перестав жалить людей за нос и щёки. Меня клонило в сон так сильно, что я с трудом удерживала глаза открытыми.

У крыльца нас встретил Фома Акимыч.

- Александра Николаевна, - заговорил он сразу, стоило мне подойти, - вас там ждут.

- Васька? - деловито уточнила я.

- Он, сорванец. И с ним ещё один... долговязый такой. Сидят оба на кухне, пироги с вареньем уплетают.

- Замечательно, - довольно кивнула я и повернулась к адвокату, - прошу вас, Пётр Ильич, пройти со мной.

Он удивлённо хмыкнул и шагнул следом в дом.

На кухне действительно сидели двое. Васька, сыто блестя глазами, и его долговязый товарищ, скромно устроившийся на краю лавки с недоеденным куском пирога в руке. При нашем появлении оба тут же вскочили.

- Ну? - спросила я, снимая перчатки.

Васька кинул быстрый взгляд на Петра Ильича, на Макара, потом снова на меня.

- При них говорить?

- Да, - ответила я. - Пётр Ильич Громов - мой поверенный. Всё, что касается моего имущества, касается и его.

Мальчонка важно кивнул:

- Ну-с, стало быть, дело ваше сделано. Это Гришка. Который Косой, он щас всё расскажет.

Я молча посмотрела на юношу, который тут же потупился, помявшись немного, всё же заговорил:

- Мы несколько дней присматривали за вашим домом, барыня. Сперва тихо было: люди ходили, управляющий туда-сюда, а чтоб вывозили чего, того не было. А вот в пятницу вечером к дому подъехала первая подвода... - облизнул пересохшие губы, перевёл взгляд с меня на Петра Ильича, потом обратно и продолжил: - С чёрного хода грузили. Где-то не меньше часа работали. Всё, что тащили из дома, было завернуто в рогожи да простыни. Прошлой ночью ещё одна подвода приезжала, там уже вещи больше по ящикам сложили.

Пётр Ильич, стоявший у двери, медленно снял перчатки и убрал их в карман. Лицо его оставалось спокойным, но... Если с начала беседы он с любопытством смотрел на мальчишек, то сейчас глядел на меня одну. Пристально так.

- Ты видел, кто всем распоряжался?

- Агась. Такой важный весь, в длинном пальто и шляпе, лица с нашего места рассмотреть так и не смогли.

- Ясно... И куда же всё моё добро увезли? Отследили?

Гришка сразу подобрался, он явно ждал именно этого вопроса, даже плечи расправил, прежде чем ответить:

- А как же! Отследили. Первая подвода доехала до Фонтанного переулка, во двор дома князя Горчакова. Там недолго держали. Сгрузили часть, занеся в пристройку на заднем дворе, остальное переложили в другие сани. И те уже повезли краденое к Обводному. К товарным складам у Варшавской дороги.

Я довольно улыбнулась и обернулась к задумчивому Громову:

- Мы вернём многое, Пётр Ильич. И начнём сегодня же.

Глава 6

Интерлюдия

Пётр Ильич Громов считал себя человеком, которого трудно удивить.

Судебная практика рано отучила его от наивности. Люди ввали, плакали, клялись на Евангелии, подделывали подписи, травили родственников, крали у сирот, продавали чужие дома по липовым доверенностям и падали в обморок ровно в тот миг, когда вопрос становился слишком неудобным. Он видел молодых вдов, вёдших себя хладнокровнее старых ростовщиков, и рыдавших над каждой копейкой так искренне, будто хоронили родную мать.

Но Александра Оболенская каким-то образом каждый раз удивляла.

Она просто поступала так, как не должна была поступать двадцатилетняя девушка.

Вернувшись из разграбленного дома, где со стен сняли портрет её матери, откуда чужие руки вывезли серебро, украшения, книги, ковры и память целой семьи, она не впала в истерику, напротив, с едва сдерживаемым азартом начала задавать мальчишке свои вопросы: Кто распорядился? Куда повезли? Можешь показать? Не заметил ли он ещё чего подозрительного?

Коротко и по существу.

Пётр стоял и слушал, чувствуя странную смесь профессионального восхищения и нарастающего беспокойства.

Его отец называл Александру Николаевну девочкой с железной хваткой. Пётр тогда решил, что Илья Петрович, как всегда, преувеличивает из любви к красивому слову. Теперь он думал: отец, пожалуй, даже смягчил.

Эта девушка не просто защищалась. Она строила вокруг себя новый порядок. Вчера беглянка, сегодня хозяйка дома, нанимательница охраны, глава крошечной разведывательной сети из уличных мальчишек, истец в громком деле и человек, который при слове «Горчаков» не бледнел, а начинал просчитывать ходы. И делала она это с пугающим спокойствием.

Пётр Ильич не был романтиком. Женская красота занимала его ровно до той минуты, пока не начинала мешать рассуждать. Александра же... она каждый раз вводила его в недоумение.

Он поймал себя на том, что смотрит на неё слишком пристально, и отвёл взгляд. Опасно так увлекаться: рядом с Александрой Николаевной легко забыть, что ей всего двадцать лет. Очень просто начать ждать от неё невозможного и... получить, а значит, очароваться юной подопечной ещё сильнее.

Как только мальчишек отпустили, прежде щедро наградив деньгами, Пётр подошёл к Саше и сказал:

- Я возьму пристава, двух понятых и поеду разбираться с вашим имуществом.

Она посмотрела на него своими удивительными серыми глазами и спросила:

- А если вещи уже отправили дальше?

- Тогда я разужнаю куда. У багажных контор остаются книги. Следы есть всегда, если знать, как и где искать.

- Хорошо. Я верю вам и в ваши сверхспособности, Пётр Ильич.

От подобной формулировки он невольно улыбнулся. Ещё и её речь, отличавшаяся от всего, что он слышал ранее... Необыкновенная молодая особа...

Простившись с Александрой, Громов сразу же отправился в Спасскую полицейскую часть. Дежурный помощник пристава сперва держался неприветливо, но бумаги из окружного суда, заявление о хищении и показания свидетелей быстро сделали его любезнее. Он пообещал как можно быстрее доложить приставу Семёну Афанасьевичу Кобылину и отправить человека к судебному следователю за предписанием.

Кобылин был человеком, с которым Пётр Ильич уже сталкивался по одному неприятному делу, правда, это было давно. Пристав знал закон, не любил болтовни и умел не мешать, когда рядом работают другие.

Без четверти пять в наружную дверь конторы постучали.

Письмоводитель, не выпуская пера из пальцев, встал и пошёл отворять. Вскоре в кабинет вошёл Кобылин: плотный, широкоплечий, в тёмной форменной шинели с металлическими пуговицами и полицейской фуражке. За ним появились двое городских.

- Пётр Ильич.

- Семён Афанасьевич. Благодарю, что приехали.

Семён Афанасьевич снял перчатки, внимательно посмотрел на поверенного и заметил:

- По вашим запискам получается, что дело шумное.

- Через час будет слышно на Невском, - усмехнулся Громов.

- Да уж... Ну, рассказывайте.

Пётр Ильич обстоятельно разъяснил ситуацию. Кобылин слушал молча, иногда задумчиво кивая.

- Предписание судебного следователя у меня. Поручено произвести обыск и выемку вещей, значащихся в заявлении, - сказал он, когда адвокат смолк. - Приступим.

Письмоводитель, до того что-то писавший, тут же встал и начал собираться.

- Понятых возьмём по дороге. У Фонтанного переулк лавочник толковый есть, да дворника прихватим, - добавил Семён Афанасьевич и, подойдя к окну, отодвинул штору.

На углу стояли два экипажа. У одного на козлах сидел мужчина в поношенной шапке и держал газету вверх ногами. Во втором едва шевельнулась занавеска.

- Взгляните. У нас на углу публика, - заметил пристав.

- Знаю, - встал рядом с ним Громов.

- Гнать? - вопросительно покосился он на поверенного.

- Нет. Сегодня они нам послужат.

К дому князя Горчакова на Фонтанном переулке подъехали в шестом часу.

Сзади, держась на расстоянии, тянулись три экипажа. Репортёры, уже не стесняясь и не скрываясь, буквально наступали на пятки.

Дом Горчакова выглядел хуже, чем Пётр Ильич ожидал. Серый фасад пошёл мелкими трещинами, штукатурка у водосточной трубы местами осыпалась до кирпича. Над парадной темнел каменный картуш с княжеским гербом.

У крыльца к ним присоединились двое понятых: широколицый лавочник в поношенной енотовой шубе и дворник соседнего дома, всё ещё державший в руке метлу. Оба держались хоть и настороженно, но с нескрываемым жадным любопытством.

Семён Афанасьевич ступил на крыльцо первым, постучал в дверь, которую тут же открыл седой мужчина в зелёной ливрее.

- Их сиятельство дома?

- Никак нет, ваше благородие.

- Княгиня?

- Дома-с.

- Управляющий?

- Тоже тут.

- Зовите управляющего.

Слуга исчез в доме. Через минуту в дверях показался человек лет шестидесяти, худой, с чопорным выражением на морщинистом лице, в чёрном сюртуке. Представился Анисимом Поликарповичем Лушковым, управляющим князя.

Кобылин предъявил бумагу.

- Полицейский пристав Спасской части Кобылин. По предписанию судебного следователя и по заявлению о хищении имущества графини Александры Николаевны Оболенской в этом доме будет произведён обыск. Прошу не препятствовать.

Лушков пошёл серыми пятнами:

- Алексей Дмитриевич отсутствуют, ваше благородие. Может, до завтрашнего дня обождёте?..

- Нет.

- Княгиня нездорова.

- Её никто тревожить без нужды не станет. Она вправе присутствовать либо поручить это вам.

Управляющий облизнул губы.

- Прошу.

В прихожей пахло какими-то лекарствами. В углу перед иконой Николая Чудотворца теплилась лампадка.

Сверху послышались шаги. Пётр Ильич поднял голову. По лестнице спускалась молодая беременная женщина в сером домашнем платье. На плечах у неё была накинута тёплая шаль. Лицо узкое, глаза большие, тёмные, полные тревоги.

Софья Аркадьевна Горчакова остановилась на середине лестницы и спросила, глядя на незваных гостей:

- Что случилось?

Пётр Ильич снял шапку, коротко поклонился:

- Княгиня. Прошу простить за поздний визит. Я Пётр Ильич Громов, поверенный графини Оболенской. Пристав Кобылин производит обыск по делу о хищении имущества. Где Алексей Дмитриевич?

Она ещё раз внимательно посмотрела на городских, потом на управляющего.

- Он в Москве, должен вернуться завтра утром.

- Понимаю. Вы можете присутствовать при обыске или удалиться в свои покои.

- Право слово, я не понимаю, о каком имуществе вы ведёте речь? Мы ничего и ни у кого не брали и уж тем более не крали.

- Повторюсь, речь идёт о вещах графини Александры Николаевны Оболенской. Часть их по показаниям свидетелей была доставлена в этот дом вчера ночью.

Софья сделала ещё шаг вниз, но вдруг резко остановилась, побледнев ещё сильнее.

- Алексей Дмитриевич не мог что-то украсть, мой муж - благородный человек...

Семён Афанасьевич дослушивать её не стал и, повернувшись к своим людям, коротко приказал:

- Начнём с пристройки.

Княгиня ничего возразить не успела, но всё же спустилась на первый этаж и села на стул у окна, гордо выпрямив спину и замерев в тревожном ожидании.

Управляющий неохотно выдал ключи и проследовал за приставом на задний двор.

Отворив двери, Кобылин вошёл первым, за ним Громов, письмоводитель и понятые. Вдоль стены стояли два больших ящика и несколько поменьше. Рядом с ними три полотняных свёртка, поставленные вертикально. Длинный рулон в синем сукне лежал на козлах. На маленьком столике у окна стояли бронзовые часы с двумя пастушками.

- Начинайте опись, - повернулся к своему письмоводителю Пётр Ильич. - Сверяем с сегодняшним протоколом.

Алексей Митрофанович устроил папку на крышке ящика, достал чернильницу, перо и ножик для подчисток.

Громов-младший развязал первый свёрток.

Из полотна вышел большой портрет в золочёной раме: молодая женщина в голубом платье смотрела в сторону, будто на того, кто вошёл в комнату.

- Графиня Наталья Михайловна Оболенская, - произнёс он. - Портрет работы Маковского. Изымаем.

Перо Алексея Митрофановича закрипело по бумаге.

Следом пошли два портрета Николая Александровича в форме инженера путей сообщения. Потом книги: Соловьёв, кожаные переплёты с золотым тиснением; первые тома Брокгауза и Ефрона. В одном ящике обнаружились парадные кувшины, две супницы и соусница гарднеровского сервиза. В углу, под простынёй, стояла большая синяя ваза на медных лапах.

Серебра и основной части фарфора здесь не оказалось, как и большого ковра, упомянутого Матрёной Ильиничной.

Пётр Ильич повернулся к Лушкову, который всё это время стоял у двери пристройки, опустив руки вдоль тела.

- Анисим Поликарпович, когда эти вещи прибыли сюда?

Управляющий долго молчал, потом поднял голову, и Пётр Ильич увидел в его глазах не страх перед представителями власти, как ожидалось, а другое - верность старого слуги своему хозяину.

- Часть в пятницу вечером, остальное минувшей ночью.

- По чьему распоряжению?

- По моему собственному, ваше благородие.

- Поясните.

- Я воспользовался отсутствием его сиятельства. Алексей Дмитриевич надолго уехал по делам, я знал, что в доме на Литейном после описи остаётся имущество без надзора. Решил, что часть удастся продать, а вырученное обратить себе. Грузчиков нанял сам. Подводы тоже. Распоряжения отдавал от имени его сиятельства, чтобы прислуга не сопротивлялась. Алексей Дмитриевич об этом не знал и не знает.

- Вы понимаете, что говорите, Анисим Поликарпович?

- Понимаю, ваше благородие.

- На каторгу пойдёте.

- Знаю.

Кобылин и Громов быстро переглянулись.

- Алексей Митрофанович, - с нажимом обратился к письмоводителю Пётр Ильич, при этом пристально глядя в глаза Лушкову, - отдельным протоколом запишите всё дословно.

Письмоводитель кивнул и сменил лист. Пётр Ильич отошёл к маленькому окну. За стеклом сыпал рыхлый снег. Все присутствующие прекрасно понимали, что происходит: старик сделал свой выбор, и любые его, Громова, попытки этот выбор переломить ничего не дадут. Без письменных доказательств обратного слово управляющего против слова князя - пустой звук.

Буквально через десять минут во двор ворвался Андрей Алексеевич собственной возмущённой персоной.

- Что здесь происходит?! - крикнул он от дверей.

Репортёры у ограды вытянули шеи.

Пётр Ильич повернулся к Горчакову-младшему:

- Добрый вечер, Андрей Алексеевич. Производится обыск по заявлению о хищении имущества вашей кухни, графини Оболенской. Прошу вас пройти и осмотреть найденные вещи.

- Моей кухни? - Андрей неприятно осклабился. - С каких пор вы называете её моей кухней? Она самозванка, суд ошибся. Та Александра и нынешняя - два разных человека. Уж поверьте, моя кухня была тихой и нежной юной особой. Эта же... - он смолк на секунду, подбирая подходящие слова, - эта же опасная сумасшедшая!

- Что бы вы там ни говорили, суд признал её истинной Александрой Николаевной Оболенской, - небрежно пожал плечами поверенный. - А согласны вы с этим или нет - ваши личные проблемы.

Андрей, дёрнув щекой и злобно хмыкнув, прошёл в пристройку. Увидел открытый портрет Натальи Михайловны, прислонённый к стене, и остановился. Лицо его пошло алыми пятнами, он явно не ожидал увидеть здесь нечто подобное.

- Это тёткин портрет. Но что он здесь делает?

- Подтверждаете?

- Подтверждаю.

- Остальные вещи вам знакомы?

- Да. Это из дома Оболенских, - вдруг легко признался Андрей. - А вообще, я хочу заявить при свидетелях, что ничего не ведал о действиях отца или его управляющего. С весны живу отдельно. С делами дома на Фонтанном не знаком... Хотя, есть у меня предположение, что тут нет вины отца, всё это дело рук Анисима Поликарповича, - и обернулся к вмиг побледневшему управляющему. - Я не раз говорил отцу, что этому человеку нельзя доверять.

Лушков на этих словах отчётливо вздрогнул, но... возражать не стал, лишь низко опустил голову.

- Я готов содействовать следствию, - повернулся Андрей к Кобылину. - И скорблю о том, что имя Горчаковых оказалось связано с такой историей.

Фраза была приготовлена заранее. Даже «скорблю» он произнёс с нужной паузой. Пётр Ильич едва сдержал усмешку.

Через полчаса, когда был осмотрен ещё и особняк, отправились к Варшавской дороге.

Сани шли по Загородному проспекту к Обводному каналу. Мороз крепчал, от лошадей валил пар. На фабричных трубах дрожал серый дым. Вдоль канала тянулись закопчённые стены, склады, дровяные дворы да лавки для рабочих. Снег здесь был грязный, перемешанный с углём и соломой.

У товарных складов Варшавского вокзала их встретил околоточный надзиратель. Рыжебородый, с обветренным лицом. Представился Степаном Денисовичем Никандровым. Рядом с ним замер жандармский унтер-офицер при железной дороге.

- Господин пристав, - обратился Никандров, - Прохоров на месте. Я к нему заглядывал полчаса назад, будто по другому делу.

- Хорошо.

Контора Прохорова помещалась у входа на склад. Низкая комната, жарко натопленная, с медной плевательницей у стола и счётами под рукой. Над столом висела икона Казанской Божией Матери, у которой коптила лампадка.

Назар Игнатьевич Прохоров поднялся при их появлении. Высокий старик с длинной бородой, в добротном кафтане. Глаза маленькие, шустрые. Пётр Ильич заметил, как купец большим пальцем ласково погладил серебряную цепочку часов на животе.

- Чем могу служить, господа?

Кобылин предъявил бумагу.

- Имеется заявление о хищении имущества графини Оболенской. По показаниям свидетеля вещи из её дома доставлялись сюда двумя партиями: часть в пятницу вечером и часть минувшей ночью. Признаёте?

Назар Игнатьевич посмотрел на бумагу, потом на пристава.

- Признаю.

Никто его словам даже не удивился - старый скупщик выбрал линию, дававшую ему шанс выйти свидетелем.

- Показывайте.

- Прошу, - Прохоров взял связку ключей и повёл их вглубь помещения.

Склад был длинный, с земляным полом. Вдоль стен стояли тюки, ящики, бочки, всё под номерами и с ярлыками. Купец хранил товар аккуратно; даже ворованное, видно, любил держать с порядком.

В дальнем углу за дощатой перегородкой виднелся плотный брезент. Именно туда Назар Игнатьевич провёл посетителей. Под брезентом стояли четыре ящика, в которых лежало серебро и тонкий фарфор. Отдельно прислонённым к стене, стоял туго скатанный ковёр.

После тщательного осмотра не досчитались жемчужного кольца Натальи Михайловны и серебряного лотка для карточек.

- Где эти предметы? - спросил пристав.

- Ушли, - вполне правдоподобно расстроено вздохнул Прохоров.

- Куда?

- В Москву. Я ещё утром передал их через доверенного артельщика на Николаевскую товарную станцию. Оттуда и ушли десятичасовым поездом по Николаевской дороге.

Семён Афанасьевич резко повернулся к околоточному:

- Степан Денисович, отправьте телеграмму на Николаевский вокзал и московской полиции. Немедля.

- Слушаюсь.

Закончив, вернулись в контору. Прохоров достал из ящика стола книжку, две расписки и доверенность. Положил перед Кобылиным, потом, помедлив, вынул ещё один сложенный лист.

- Что это?

- Расписка Анисима Лушкова.

Кобылин развернул бумагу, пробежал глазами и передал Громову.

«Получено от купца второй гильдии Прохорова Назара Игнатьевича задатком восемьсот рублей в счёт продажи имущества, поименованного в прилагаемой описи. Оставшуюся сумму две тысячи четыреста рублей обязуюсь получить по передаче товара. Декабря двадцать шестого дня тысяча восемьсот девяносто третьего года. А. П. Лушков».

Пристав сложил расписку, а Пётр думал, что Горчаков знатно подстраховался, выстроив себе чистое алиби заранее. По этой статье князя нельзя было привлечь ни одной бумагой.

- Расписку изымаем как вещественное доказательство.

- Разумеется.

- Назар Игнатьевич, вы сейчас дадите подробные показания: кто приезжал, во сколько, что говорил, как выглядел, кто разгружал, какую сумму получили и какие бумаги подписали.

- Всё скажу, спрашивайте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.